

Русско-крымские отношения 1591–1593 годов: от конфронтации к поискам мирных решений

Статья посвящена анализу изменений в русско-крымских отношениях после неудачного похода на Москву войск крымского хана Гази-Гирея в 1591 г.

Ключевые слова: русско-крымские отношения, крымское ханство, Посольский приказ, Гирей.

К началу 1591 года отношения между Русским государством и Крымом балансировали на зыбкой грани от установления дружественных отношений в долговременной перспективе до возобновления военно-дипломатического противостояния. Обе стороны декларировали намерение установить «мир и дружбу» при обмене многочисленными посланиями между ханом Гази-Гиреем II и царем Федором Ивановичем, а также фактическим правителем Русского государства Борисом Федоровичем Годуновым. Обе стороны вели подготовку к посольскому размену. Однако согласия по главному вопросу – возвращению в Крым единственного оставшегося на территории Русского государства претендента на крымский престол Мурад-Гирея вместе с семьей и приближенными решен не был. Москва не хотела «расставаться» с пребывающим в Астрахани Чингисидом по-прежнему рассчитывая использовать его в различных политических комбинациях в Западном Дешт-и-Кипчаке и в Восточной Европе, в том числе и угрожающих интересам Крыма (Беляков, Виноградов, 2013, с. 42–43; Виноградов, 2012, с. 25–40).

Эта неопределенность, продолжавшаяся с весны 1588 года, когда в Бахчисарае водворился хан Гази-Гирей II, стремившийся покончить с длительным периодом политической нестабильности в Крымском юрте, рано или поздно должна была обернуться новым кризисом в русско-крымских отношениях. Внезапная кончина Мурад-Гирея в Астрахани с большей долей вероятности отравленного ногайскими мурзами, уставшими от политических комбинаций, которых осуществляла в их отношении руками «царевича» Москва, послужила толчком к новому витку русско-крымского конфликта (Беляков, Виноградов, 2013, с. 43–45).

Летом 1591 года произошло последнее в истории крупноформатное вторжение крымской орды во главе правящим ханом в пределы Русского государства. Это было последнее преодоление крымцами исторического рубежа реки Ока и их последнее появление непосредственно под Москвой. Так же как и девятнадцать лет назад после Молодинской битвы 1572 года стремительный отход крымцев после неудачного для них исхода полевого столкновения с вооруженными силами Русского государства имел огромные последствия для всей системы межгосударственных отношений в Восточной Европе, и в, первую очередь, непосредственно для русско-крымских отношений.

Внутриполитическое и внешнеполитическое положение обеих сторон в канун событий лета 1591 года было непростым. И крымский хан Гази-Гирей II, и фактический правитель Русского государства Борис Федорович Годунов на протяжении предшествующих конфликту лет предпринимали энергичные меры по стабилизации положения в своих государствах, ослабленных годами политической нестабильности и участием в тяжелейших военных конфликтах.

Ход событий в Крыму после возвращения хана из похода известен по материалам статейного списка гонца Ивана Бибикова, который с мая 1591 г. находился в заточении в Чуфут-Кале и был освобожден в августе по приказу Гази-Гирея II.

По сведениям И.Бибикова, хан вернулся в Бахчисарай 2 августа будучи раненым – «рука у него перевязана» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 103). Гази-Гирей привел в Бахчисарай до трехсот своих улусных людей и незначительное количество пленников (Там же, л. 103 об.).

Неудача вторжения 1591 года поставила в тяжелое положение хана Гази-Гирея II. Формальным поводом для нападения было возмездие за «потраву» в Астрахани Мурад-Гирея. Фактический провал вторжения поставил хана перед необходимостью в новых условиях решать проблему пребывания на территории Русского государства семьи Мурад-Гирея и его двора. Необходимость скорейшего решения этой проблемы диктовалась династической ситуацией: в сентябре 1591 года, после скорострительной смерти нураддина Сафа-Гирея, его место занял сын его брата Сеадет-Гирей II,

возможно, от находящийся «на Москве» вдовы Мурад-Гирея Ертуган Бахты-Гирей¹. Другой сын Сеадет-Гирея II и Ертуган-Девлет-Гирей – находился на положении фактического заложника у могущественного карача-бека крымских мангытов Арслана «Дивеева». В этих условиях возвращение вдовы Сеадет-Гирея II и Мурад-Гирея Ертуган являлось первоочередной мерой для стабилизации династической ситуации.

После смерти Сафа-Гирея в ханской семье возникла новая ситуация. Реальной фигурой становился брат Гази-Гирея калга Фетх-Гирей, отношения с которым у хана были весьма непростыми. И.Бибииков отмечал, что летом 1591 г. калга проявил большую активность – он лично отправился за Перекоп встречать хана, так как появились слухи о его тяжелом ранении, и удостоверившись в том, что Гази-Гирей жив, вернулся в Бахчисарай за неделю до его прибытия (Там же, л. 103 об.–104).

Гази-Гирей не мог рассчитывать на своих сыновей ввиду их малолетства. В этих условиях назначение Бахты-Гирея нураддином было вполне логичным, тем более что его бабушка Хан-Тутай, вдова Мухаммед-Гирея II, с 1588 г по обычаям левиата являлась женой Гази-Гирея. Назначение Бахты-Гирея произошло еще до отъезда И.Бибиикова. Во всяком случае, в послании царю Федору Ивановичу, доставленным осенью 1591 года со своим гонцом, Бахты-Гирей определенно именуется нураддином (Там же, л. 147).

Между тем неудачный исход похода увеличивал вероятность смещения Портой Гази-Гирея II с престола. Фигура нового хана уже приняла отчетливые очертания: им должен был стать брат Гази-Гирея – Алп-Гирей, бежавший в Стамбул в апреле 1588 г. при его воцарении. Политическая элита Крыма была вновь расколота. Смерть Сафа-Гирея ухудшила отношения хана с его сторонниками, прибывшими вместе с ним в Крым в мае 1588 г. – с беками Кутлу-Гиреем Ширинским и Сулешем «Перекопским». Усилились позиции Арслана «Дивеева» превращавшегося в полунезависимого от хана правителя своего улуса (Трепавлов, 2002, с. 362).

В ханском диване шла борьба группировок. Клану Яшлавских и Кулюковых оспаривали друг у друга наследственное «амиатство» в отношении двух сопредельных государств – России и Речи Посполитой, а по существу – контроль над внешней политикой Крыма. Позиция Яшлавских была ослаблена несколькими факторами. В конце 1590 года скончался бек Мурад – старший сын бека Сулеша. Его брат Ахмед-паша, возглавивший клан Яшлавских, не пользовался доверием хана, так как до весны 1588 г. входил в состав приближенных калги хана Ислам-Гирея II – Алп-Гирея – основного соперника Гази-Гирея. К тому же один из братьев Ахмеда-паши, Янши-мурза, бывший посол хана Мухаммед-Гирея II еще к царю Ивану Грозному остался в Москве, а другой брат – Ибрагим-паша-мурза – пребывал там в качестве пленника. В Москве был задержан и племянник Ахмеда-паши Аллабердей-мурза, отправленной туда в качестве гонца в 1590 году. Его задержание было следствием запутанной интриги, связанной с активной ролью его брата Кошум-мурзы в окружении Мурад-Гирея в Астрахани (Беляков, Виноградов, 2013, с. 36, 53; Виноградов, 2006, с. 67). В этих условиях положение Ахмеда-паши в ханском диване было неустойчивым. Соперниками Яшлавских были Кулюковы, возглавляемые честолюбивым и амбициозным беком Дербышем (Виноградов, 2006, с. 49). Но и Дербыш не пользовался доверием хана. В Москве находился один из его сыновей – Пашай-мурза, входивший в состав двора Мурад-Гирея (Беляков, 2011, с. 213). К тому же бек Дербыш был зятем пресловутого Муслы-аталыка, «сгинувшего на Москве», судьба которого все еще волновала крымские верхи. Таким образом, Б.Ф.Годунов мог оказывать давление сразу на двух членов ханского дивана. Не особенно доверял хан и Муртозе-аге, главе клана «черкасских мурз» родственным абазыевским черкасским князьям, игравшего двусмысленную роль в «смутные» 1577–1588 годы. До событий лета 1591 года Гази-Гирей мог опираться на фигуру своего бывшего воспитателя «первого министра» Моллакая Аллея-аталыка. Однако к лету 1591 года позиции Моллакая Аллея-аталыка существенно ослабли, что, по сведениям И.Бибиикова, было связано с его тяжелой болезнью. Как констатировал Бибииков, из своих «ближних людей» хан осенью 1591 года доверял только Моллакаю Аллею-аталыку, но и тот из-за болезни стал «неразумен» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 106).

Внешнеполитическое положение Крыма оставалось неопределенным. Реализация планов достигнуть соглашения о союзе против Москвы с Речью Посполитой и со Швецией требовали после неудачного вторжения 1591 года значительного времени и должны были осуществляться в неблагоприятной внешнеполитической обстановке. К тому же хан не имел известий о ходе переговоров

¹ По сведениям И Бибиикова Сафа-Гирей вернулся в Крым «с войны болен» и скончался «до Семенова дня» (РГАДА ф. 123 оп. 1 ед. хр. 19 л. 103 об.).

своего посольства в Речи Посполитой, отправленного еще весной 1591 г. Главная проблема для хана заключалась в необходимости «выстраивать новые отношения» с Москвой.

Между тем Б.Ф.Годунов максимально «пропагандировал» отражение крымского вторжения, разослав сеунчей в сопредельные государства, в частности, в Речь Посполитую, куда уже в июле 1591 г. отправился посланник Д.Ислентьев (РГАДА. Ф. 79. Оп. Ед. хр. 21. Л. 174). Об этом хан узнал от своего посла к королю Сигизмунду III Акк Магмета-мурзы, вернувшегося в Крым в сентябре 1591 года. Посол также сообщил, что его переговоры о союзе против Москвы не принесли ощутимого результата, но в Крым снаряжается польско-литовское посольство.

Инициативу в восстановлении дипломатических связей с Москвой в этих условиях взял на себя Гази-Гирей II, отпустив в сентябре 1591 г. задержанного весной 1591 года московского гонца И.Бибикува и отправив в Москву гонца Ибрагима Ази. Его сопровождал особый личный эмиссар хана Ямгурчей-аталык, бывший воспитатель сыновей и пасынков Мурад-Гирея в Астрахани.

Отправление последнего формально объяснялось ханом необходимостью переговоров по возвращению «царицы» Ертуган. В действительности он имел полномочия от хана для проведения переговоров с Б.Ф.Годуновым о помощи хану со стороны Москвы в случае его смещения с престола. Подобный шаг хана был вызван не только исключительными обстоятельствами – реальной угрозой его смещения с престола в условиях запутанной династической ситуации. Выдвигая Ямгурчей-аталыка, хан переводил отношения с Москвой в русло своей «личной дипломатии», фактически отстраняя кланы своих «ближних людей» от контроля за «московским направлением» внешней политики Крыма.

Итак, в конце августа русский гонец И.Бибикув был неожиданно препровожден из Чуфут-Кале прямо в ханский дворец на аудиенцию к Гази-Гирею. Хан принимал гонца один, без приближенных. Велев гонцу «сести» Гази-Гирей кратко информировал его о том, что он «ходил к Москве», где его «не почивали». «Постояв немного» у Москвы, хан вернулся в Крым. Кроме этого, «царь не говорил ничего». После этого И.Бибикув был «зван к столу», затем пожалован «золотым платьем» и отпущен. «А приказу от царя к государю никакого не было» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 103 об.–104). И.Бибикув находился в недоумении, которым поделился с поджидавшими при его выходе из дворца Моллакаем Аллем-аталыком и беком Дербышем Кулюковым. Те заверили русского гонца, что скоро будет его отпускная аудиенция у хана, на которой он сможет увидеть нового ханского гонца, отправляемого с ним в Москву.

Однако отпускная аудиенция так и не состоялась, но на «третий день» последовали переговоры с «царевыми ближними людьми» – Моллакаем Аллем-аталыком, беками Дербышем Кулюковым, Ахмед-пашой Яшлавским «Сулешевым» и Заграпом «Перекопским» (Там же, л. 104 об.). Бибикув был официально извещен о своем отпуске. С ним посылался ханский гонец «о добром деле». Хан хочет «мириться» с московским государем. К осени хан ждет послов с большими «поминками». Гази-Гирей также просит «запросных денег» для того, чтобы поставить «городок» для обороны от «литовских казаков». Тема «запросных денег» в устах ханских эмиссаров преваляровала. Подчеркивалось, что «тогда царь учнет ходити на государева недруга на литовского». Все это излагалось в посланиях хана царю Федору Ивановичу. Бибикув заявил, что доставит послания в Москву, но не может гарантировать, что крымские предложения будут приняты: «на то будет государева воля» (Там же, л. 104 об.–105).

На следующий день Бибикув вместе со служилым татаринном Б.Бакчюриным был спешно выпровожен из Бахчисарая. При этом его попытки вернуть хотя бы часть «рухляди, что пограблено» при его заточении в Чуфут-Кале не увенчались успехом. Отпуск гонца без отпускной аудиенции и даже без оглашения имени «парного» крымского гонца явно объяснялся «экстремальной ситуацией», сложившейся в Бахчисарае. Вскоре И.Бибикув получил этому весьма наглядное подтверждение.

На пути к Перекопу русскому гонцу «встретился на дороге» бек Дербыш Кулюков, который изложил ему свое видение ситуации. Поход хана на Москву, по мнению бека Дербыша, явился следствием «бесчестия» Гази-Гирея перед Портой – он должен был «побывать на Москве», как и «прежние цари». Инициатива похода принадлежала «турскому», но не в форме прямого распоряжения. В случае, если «мирные предложения» Гази-Гирея будут отвергнуты («государь ваш со царем не помирится»), возможен новый поход хана «на государеву землю», но уже с участием людей «турского» (Там же, л. 105–106). Глава клана Кулюковых поведал, что обо всем отписал «Борису Федоровичу» со своим гонцом. В заключении Дербыш выразил пожелание, чтобы его гонцу «на Москве честь была лучше», явно позиционировав себя как главный претендент на «амиатство».

В Перекопе Бибииков и Бакчюрин встретились с крымскими гонцами во главе с Ибрагимом Ази и Ямгурчеем-аталыком. Ханский гонец на пути к Ливнам проявлял большую активность, ведя постоянные беседы с И.Бибииковым и Б.Бакчюриным. Ибрагим Ази выражал надежду на то, что «царь с государем вашим помирится», но четко заявил, что «не ведает» о том, какие условия «замирения» выдвинула «царева дума» (Там же, л. 113). Ибрагим Ази при этом настойчиво «спрашивал про Бориса Федоровича», о котором «у турецкого царя великая слава». «Славен» Борис Федорович стал с недавнего времени и у крымского «царя» по причине того, что он «ратных людей устроил» (Там же, л. 113 об.). Показательно, что Ямгурчей-аталык от общения с русскими дипломатами устранился.

«Официальная» позиция Крымской стороны, обозначенная в посланиях хана на имя государя Федора Ивановича и в «речах», данных гонцу Ибрагиму Ази, предполагала отпуск вдовы Мурад-Гирея Ертуган и его приближенных в рамках посольского размена. После этого послы должны были начать переговоры о заключении «докончания». Послание хана на имя московского государя, доставленное Ибрагимом Ази, по неизвестной причине не было внесено в посольскую книгу. «Грамоты», адресованные царю Федору Ивановичу доставленные из Крыма осенью 1591 года, в девятнадцатой посольской книге открывает послание ему от калги Фетх-Гирея, которое является весьма лаконичным (Там же, л. 145–146 об.). Фетх-Гирей кратко информировал русскую сторону о том, что некие «лихие люди» передали хану «сорные слова» о том, что Москва с ним «не по старому будет» (Там же, л. 145 об.). Деловая часть послания была посвящена проблеме отпуска «царицы Ертуган» и «царевичевских казаков» – оставшихся в Русском государстве приближенных Мурад-Гирея, причем особо калга просил отпустить «Дербышева княжьего сына Магмет-пашу мурзу» (Там же, л. 146). Более развернутые предложения содержались в послании нового нураддина Бахты-Гирея (Там же, л. 146 об.–148). Там ставился вопрос о посольском размене и заключении «докончания», причем посольский размен должен был быть совмещен с отпуском «царицы» Ертуган. Бахты-Гирея явно позиционировал себя как преемник Сафа-Гирея, на которого ханом была еще весной 1588 г. возложена миссия «радителя за доброе дело» с московским государем.

«Неофициальная» позиция лично хана, оглашенная в «тайных речах» и посланиях хана к царю Федору Ивановичу и к Б.Ф.Годунову через его эмиссара Ямгурчю-аталыка заключалась в предоставлении помощи в случае его смещения престола Портой. Предусматривался отход хана с территории Крымского полуострова и создание в непосредственной близости от Крыма «альтернативного государственного образования» подобному существовавшему в 1532–1537 гг., в эпоху противостояния Ислам-Гирея I с Сахиб-Гиреем, и в 1584–1585 гг., после «исхода» сыновей Мухаммед-Гирея II из Крыма.

И «официально», и «неофициально» хан требовал присылки ему еще до посольского размена «запросных денег», которые должны были «компенсировать» ему официальные «большие поминки», отправляемые только с послами.

В целом в Бахчисарае прекрасно сознавали, что отношения с Москвой подошли к новому крутому повороту. Москва, со своей стороны, учитывала различные варианты развития событий в Крыму, исходя из недавнего опыта событий 1584–1588 гг. «ссоры великой в Крымском юрте».

С осени 1591 года по осень 1593 года между Москвой и Бахчисараем развернулась напряженная дипломатическая игра, которая шла как на «официальном», так и на «неофициальном уровне».

Основные этапы дипломатической игры включали в себя:

– миссию Ибрагима Ази и Ямгурчю-аталыка в Русском государстве (ноябрь 1591 г. – февраль 1592 г.);

– миссию гонца М.Протопопова в Крыму (апрель–ноябрь 1592 г.);

– миссию гонца Джан-паши-мурзы в Москве (январь–март 1593 г.);

– миссию посланника С. Безобразова в Крыму (апрель–сентябрь 1593 г.);

– вторую миссию Ямгурчю-аталыка в Москве (июль–октябрь 1593 г.).

Последние миссии С.Безобразова и Ямгурчю-аталыка проистекали в рамках подготовки и проведения посольского съезда и размена под Ливнами осенью 1593 г.

Интенсивность и фактическая непрерывность дипломатических связей между Москвой и Бахчисараем в течении двух лет – с осени 1591 года по осень 1593 года – на первый взгляд, указывает на неуклонное стремление сторон к достижению мирного соглашения. Тем не менее, ситуация с подготовкой проведения посольского съезда и размена, который должен был сопровождаться отпуском в Крым «царицы» Ертуган и ее двора оставалась неопределенной вплоть до последнего момента. Помимо вполне оправданного недоверия сторон по отношению друг к другу существова-

ли множество факторов, прежде всего, «личностного характера», осложняющих достижение соглашения. К ним, прежде всего, следует отнести необходимость для хана Гази-Гирея II учитывать позицию Порты в вопросе о достижении мирного соглашения с Москвой, к тому же в контексте сложной династической ситуации в доме Гиреев и личные амбиции Бориса Федоровича Годунова, стремящегося максимально использовать благоприятную политическую конъюнктуру для упрочения своей власти. Это в значительной степени определило исключительную сложность дипломатических «ссылок» между Москвой и Бахчисараем, которая обозначилась уже осенью 1591 года.

Миссия Ибрагима Ази и Ямгурчея-аталыка (ноябрь 1591 г. – февраль 1592 г.)

С ноября 1591 г. по февраль 1592 г. на территории Русского государства сначала в Болхове, затем в Москве осуществлялась дипломатическая миссия «официального» гонца Ибрагима Ази и личного эмиссара хана Ямгурчея-аталыка. Основные цели их миссии были выяснены в ходе их «расспроса» произведенного в ноябре в Болхове лицами, присланными из Посольского приказа и в декабре в Москве лично Посольским дьяком А.Я.Щелкаловым.

Следует отметить, что Москва в течении нескольких месяцев не знала о ситуации в Крыму, сложившейся после отхода орды Гази-Гирея II из под Москвы. Неясно было сохранил ли вообще хан престол.

22 октября ливенский воевода И.М.Бутурлин известил о прибытии в Ливны более пятидесяти крымских гонцов во главе с Ибрагимом Ази. В грамоте особо отмечалось, что вместе с официальным гонцом прибыл Ямгурчей-аталык, бывший воспитатель сыновей и пасынков Мурад-Гирея, пребывавшей до весны 1591 г. в Астрахани (Там же, л. 78). В разрядах также отмечено прибытие «гонцов тотарина Обреим Азея да тотарина Ямгурчея Аталыка царевичева Мурат Киреева» (РК, 1475–1605, т. III, ч. III, с. 22). Вместе с крымцами прибыли отпущенные И.Бибиков и Б.Бакчурин. В тот же день И.Бибикову было предписано немедленно следовать в Москву. Крымских гонцов следовало доставить в Болхов (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 78 об.). Через несколько дней последовали новые распоряжения. Обычные меры следования крымских гонцов ужесточались под предлогом того, что якобы «в Крыме поветрие». «Корм» крымцам урезался, «жалование» предписано было не выдавать. В Болхове крымцы должны были пребывать в условиях строжайшей изоляции. При этом крымским гонцам должно было быть объявлено, что к Москве им «вскоре ехать непригоже», и их пребывание в Болхове может затянуться (Там же, л. 79–83). Бибикову было предписано следовать вместе с крымцами к Болхову. Отпущенный русский гонец должен был письменно проинформировать Москву о обстоятельствах своего отпуска из Крыма (Там же, л. 83–85). 29 октября в Москве была получена грамота И.Бибикова об обстоятельствах его отпуска. После чего ему было повторно предписано ехать в Москву (Там же, л. 85–85 об.).

30 октября в Болхов для «расспроса» крымцев были отправлены пристав И.М.Всеволожский и переводчик С.Степанов (Там же, л. 86 об.). Последней был выбран для этой миссии по причине близкого знакомства с Ямгурчеем-аталыком. С.Степанов с 1586 года практически находился при Мурад-Гирее в качестве толмача, сопровождая его в поездках к ногайским мурзам и к Шамхалу (Беляков, 2011, с. 174, 286). Кроме того, он практически всегда присутствовал при приемах Мурад-Гиреем ногайских мурз и посланцев кавказских правителей. Фактически С.Степанов был в курсе всех обстоятельств пребывания Мурад-Гирея в Астрахани и был свидетелем его кончины.

И.М.Всеволожский и С.Степанов должны были обратиться к крымцам с «речами» от имени двух ведущих думных чинов – князя Ф.И.Мстиславского и Б.Ф. Годунова. Таким образом, официально московский царь как бы устранялся от «ссылок» с крымским «царем» по причине совершенной им «неправды». Это был сильный ход московской дипломатии – ханские представители оказались не вполне готовыми к такому развитию событий.

«Речи» и данная И.Всеволожскому и С.Степанову «наказная память» содержали жесткие перечисления «неправд Казы Кирея царя» за последние месяцы (РГАДА. Ф. 123. Оп.1. Ед. хр. 19. Л. 83 об.–96). Крымская сторона обвинялась в срыве посольского размена осенью 1590 года и, главным образом, в нападении на Русское государство, при том что официально в своих посланиях на имя московского государя хан не излагал никаких «обид». Всеволожский и Степанов должны были категорически опровергнуть обвинения в «потраве» Мурад-Гирея в Астрахани. Об том, что это явилось главным предлогом для совершения нападения, уже было известно из донесений И.Бибикова.

4 ноября московские должностные лица прибыли в Болхов и 5 ноября состоялся «расспрос» ими Ибрагима Ази и Ямгурчей-аталыка (Там же, л. 114).

Болховское «расспросное дело» представляет собой весьма объемный документ, который в разной степени использовался всеми русскими историками, затрагивающими события 1591 года, начиная с М.М.Щербатова и С.М.Соловьева, но никогда не публиковался². Дело состоит из двух частей: «официальный расспрос» крымских гонцов (Там же, л. 114–127) и «расспрос о тайном деле» ханского эмиссара Ямгурчей-аталыка (Там же, л. 127–131). На «официальной» части «расспроса» присутствовали главные крымские гонцы от представителей дома Гиреев, и он происходил в форме, принятой в традициях русско-крымских «ссылки». Все переговоры вел Ибрагим Ази, который как «официальный» гонец от «царя», излагал позицию крымской стороны. Присутствующий Ямгурчей-аталык ограничивался краткими ответами на вопросы, обращенные к нему лично. Сначала крымцам были оглашены «речи», в которых был поставлен вопрос о причинах нарушения «мира и дружбы» со стороны хана, который он декларировал «со всеми гонцами», посылаемыми в Москву после того, как он «учинился царем на Крымском юрте». После оглашения «речей» от имени думных чинов, московские эмиссары в соответствии с данным им «наказной памятью» взяли жесткий тон, заявив, что им предписано «расспросить» о том, «с каким делом» прибыли гонцы от «Казы-Кирея царя» после совершенной им «недружбы» по отношению к московскому государю (Там же, л. 114 об.–115).

Подробный ответ, оглашенный Ибрагимом Ази, излагал следующую версию событий, приведших к крымскому вторжению:

– посольский съезд и размен активно подготавливался крымской стороной, но ввиду того, что «Мурата князя на дороге не стало», хан вынужден был вернуть уже якобы вышедшее за Перекоп крымское посольство (Там же, л. 115 об.–116);

– новое отправление посольства было отменено ввиду того, что «царю учинилась весть из Астрохани, что деи государь ваш преж сего велел уморити в Астрохани Саадет-Кирея царя, а после того велел уморити царевичей Мурат-Кирея и Кумык-Кирея» (Там же, л. 116);

– известие о гибели Мурад-Гирея достигло Крыма и «царю это было за великую досаду», после чего было принято решение о походе (Там же, л. 116–116 об.).

Таким образом, официально крымская сторона объявила причиной нападения 1591 года гибель Гиреев в Астрахани. При этом смерть Сеадет-Гирея и Мурад-Гирея впервые крымцами была связана и интерпретирована как целенаправленное убийство. Подобная версия, изложенная Ибрагимом Ази в присутствии С.Степанова, прекрасно осведомленного об обстоятельствах смерти всех Гиреев в Астрахани, поставила его в весьма уязвимое положение. Последовал вопрос о том, кто и когда прибыл в Крым с известием о смерти Мурад-Гирея и ее обстоятельствах. Ибрагим Ази ответил, что он лично «слышал то слово от царя а подлинно того не ведает, хто то слова принес» (Там же, л. 116 об.).

Всеволожский и Степанов напомнив, что «на Москве у государя нашего» всегда примечали Чингисидов и сейчас «царей и царевичей много», потребовали объяснить «за что государю нашему было велеть поморити» Гиреев в Астрахани (Там же, л. 117). Ибрагим Ази начал ссылаться на неких татар, сбежавших из Астрахани после смерти Мурад-Гирея. Все это время Ямгурчей-аталык не проронил ни слова. Обстановка накалялась и Ибрагим Ази неожиданно перешел к объяснению нападения другим причинами.

Он поведал, что на совете «царя с ближними людьми» после смерти Мурад-Гирея называлась и другая причина похода – «московский мне поминков и запросов давати не хочет». Подобное объяснение совершенно не увязывалось с только что «озвученным» Ибрагимом Ази рассказом о подготовке ханом посольского размена и в ответ на резкие реплики московских эмиссаров он перешел «к главной теме» – позиции Порты в отношении крымского похода.

Ибрагим Ази поведал, что хан весной получил известие из Стамбула «идти на литовского короля». Однако после получения известий о смерти Мурад-Гирея хан послал «к турецкому» своего эмиссара с известием, что он идет «на московского» ввиду того, что тот «царевича поморил». После этого из Стамбула «тайным словом приказывали чтобы царь шел на московского» (Там же, л. 117 об.). При этом Ибрагим Ази не уточнил, кто именно «тайно приказывал» хану нарушать официальный приказ Порты.

² С.М.Соловьев приводит фрагменты «расспросного дела» Ямгурчей-аталыка в Болхове вперемешку с фрагментами «расспросов» Ямгурчей-аталыка в Москве в Посольском приказе А.Я.Щелкаловым в декабре того же 1591 г. (Соловьев, 1989, с. 256–257).

Вслед за тем Ибрагим Ази принялся долго и обстоятельно излагать «крымскую версию» летнего похода Гази-Гирея II к Москве. Хан якобы искал «встречи на поле с государя вашего людми», т.е. полевого сражения. Хан якобы искал «встечи» у Ливен, затем получил известие, что «большая государя вашего рать» стоит у Тулы двинулся туда, но там также «встречи не было». После этого хан со своими силами «перелез Оку» и двинулся непосредственно к Москве. Вскоре Гази-Гирей II узнал от «языков» о том, что государь отставил Москву и «пошел ко Владимиру» и далее «на Белое Озеро» (Там же, л. 117 об.–118). По получении этого известия состоялся совет хана «с ближними людми», на котором Гази-Гирею якобы было предложено повернуть назад, ибо цель похода была достигнута – «московский с Москвы побежал, а ты под Москвою был и Москву видел». После этого хан повернул назад. Ибрагим Ази подчеркивал, что «встречи большой и под Москвой царю не было» (Там же, л. 118–118 об.). Интересно, что Ибрагим Ази подчеркивал цель похода хана «увидеть Москву», а не просто разорять «государевые украины».

Нарисованная Ибрагимом Ази картина причудливо смешивала правду и вымысел. Целью похода, несомненно, был стремительный прорыв за Оку и победа в столкновении с крупными русскими военными контингентами, как это было в 1571 и 1572 гг. При этом предполагалось, что царь Федор Иванович, как и его отец в 1571 году, покинет Москву. При любом исходе полевого сражения хан мог бы интерпретировать этот факт, как успех похода перед Портой. Таким образом, крымская сторона пыталась реконструировала ситуацию 1571 года и навязать такую трактовку событий русской стороне. При этом факт встречи крымцами на подступах к Москве вооруженных сил Русского государства игнорировался.

Всеволожский и Степанов дали жесткий ответ на выступление крымского дипломата. Была изложена «официальная» русская версия событий. Против хана был послан Б.Ф.Годунов «и иные бояре и воеводы с государя нашего людми».

Русская сторона напомнила о готовности дать крымцам полевое сражение: «Борис Федорович и иные бояре и воеводы з государевой ратью встретили царя на поле». Подчеркивалось, что «царь з государя нашего людми не бился и побежал». При этом говорилось, что хан намеренно пришел в то время, как «государя рать нашего была не собрана» и поэтому «встречи за Ливнами» быть не могло. Тем не менее «государь наш на царя не оплошал». Подчеркивалось, что Федор Иванович «с Москвы не поехал». В заключении было объявлено, что сейчас «у государя нашего много кому стоять» не только «против царя крымского», но и «против турецкого» (Там же, л. 118 об.–119 об.). Ибрагим Ази в ответ спросил, что если хан «побежал», то почему его не преследовали (Там же, л. 120). Крымцам ответили, что преследование как раз имело место – «наши бояре и воеводы со государевыми людми за царем ходили». При этом было указано, что «меж Тулы и Деилова у царя ваших многих людей побии и языки многие поимали» (Там же, л. 120–120 об.). Ибрагим Ази на это ответил, что «поимали» людей, которые ходили разорять дедиловские места «от царя украдом», в то время как основные крымские силы двигались к Москве (Там же, л. 120 об.). Вообще крымский гонец постоянно подчеркивал, что разорение «государевых владений» не было целью нападения.

«Обмен мнениями» показал непримиримость позиций сторон. Тогда Ибрагим Ази приступил к изложению задач своей миссии. В «речах» крымского дипломата произошел крутой поворот – хан велел ему объявить о том, что «то слово ложно, что царя и царевичей государь ваш велел поморить» (Там же, л. 121). Таким образом, крымская сторона готова была пересмотреть «дело астраханских Гиреев». Ибрагим Ази подробно изложил мотивацию решения хана. После возвращения Гази-Гирея II из похода в Крым, туда прибыл из Астрахани Ямгурчей-аталык и сообщил подлинные известия «про цареву (Сеадет-Гирея) и про царевичеву Мурадову и про Кумук-Кирееву смерть». После этого хан «з ближними людми» пришли к мнению, что нападение на Русское государство было преждевременным «негораздо то ему учинилось, что з государем вашим в недружбе учинился». После этого хан и прислал «меня холопа своего з добрым делом» в сопровождении привезшего в Крым подлинные известия о гибели Гиреев Ямгурчей-аталыка (Там же, л. 121–121 об.). Последний все это время помалкивал.

Однако на русских должностных лиц все это не произвело впечатления. Московские представители напомнили, что они посланы не от государя, а от виднейших бояр и заявили, что «великого государя нашего бояре тому подивились каким обычаем государь ваш Казы-Кирей учиняя такие неправды» теперь посылает своих гонцов с объяснением своих «неправд» (Там же, л. 121 об.).

На это Ибрагим Ази с некоторым основанием ответил, что «и прежние де крымские цари с московскими государями в недружбе бывали и на московскую землю хаживали, а после того ссылки о дружбе и любви бывали» (Там же, л. 122). В целом, складывалась тупиковая ситуация. Тогда

московские эмиссары, наконец, потребовали изложить содержание ханских посланий, адресованных царю Федору Ивановичу с тем, чтобы они «те вести донесут боярам а бояры донесут до царского величества» (Там же, л. 122 об.).

Ибрагим Ази подробно изложил крымские «мирные предложения»:

- окончательный отказ крымской стороны от требований возвращения «мусульманских юртов» («царь ни Казани ни Астрохани не просит»);
- присылка «поминок» по «царевой грамоте», т.е. «запросных денег», испрашиваемых Гази-Гиреем II в своих посланиях в Москву с 1588 г.;
- отпуск всех «царевых гонцов, которые здесь у государя», т.е. бека Иссея, Аллабердея-мурзы и всех крымских гонцов, задерживаемых с 1590 года;
- отпуск «Мурат-Киреевой царицы» Ертуган и «всех царевичевых людей, которые после царевича Мурад-Кирея остались»;
- отпуск Ибрагима-паши-мурзы «Сулешева».

После всего этого между Гази-Гиреем II и Федором Ивановичем должна быть установлена «дружба какова бывала меж прежними государи великим князем Василием и Джанибеком царем» (Там же, л. 122–123 об.)³.

Однако крымцы вновь получили жесткий отпор: им было заявлено, что «поминки» посылаются в Крым «за дружбу», а «за недружбу поминков не посылают» (Там же, л. 123 об.).

После этого «диалог» опять вернулся «к исходной точке». Ибрагим Ази вновь начал говорить о том, что поход Гази-Гирея не принес существенного урона Русскому государству: «царь большие и великие досады не учинил, которую дорогою пришел, тою дорогою назад вышел». Всеволожский и Степанов в очередной раз заявили о вероломстве хана, нарушившего «дружбу и братство». Вновь напоминалось, что хан «побежал» от Москвы. Ибрагим Ази отвечал, что при своем отходе хан не распускал крымцев «на войну» и не позволял им разорять «государевы земли». Всеволожский и Степанов это отрицали (Там же, л. 124–124 об.).

Тогда Ибрагим Ази вернулся к теме замыслов «турского царя» в отношении Русского государства, напомнив, что Гази-Гирей II предотвратил после своего воцарения новый османский поход на Астрахань. На это крымскому гонцу было напомнено о том, что «Девлет-Кирей царь со всею крымскую ратью да с турского пошой и со многими турскими людьми» уже «ходил к Астрохани» и его там «побили» (Там же, л. 125 об.–126). Далее было особо отмечено, что тогда, в 1569 г., «Астрохань была старая», т.е. слабо укрепленная, а «ныне Астрохань не старая и турских и крымских людей не боится». После этого Всеволожский обратился непосредственно к Ямгурчею-аталыку, многозначительно заявив ему: «А ты Ямгурчей государеву отчину Астрохань знаешь» и потребовал у него рассказать «каков город и каковы астраханские люди» (Там же, л. 126).

Наконец «в диалог» вынужден был вступить бывший «первый министр» и воспитатель детей и пасынков Мурад-Гирея, кратко сообщивший, что «астроханская крепость и люди астроханские добрые» и о том, что «турскому и помыслить нельзя» взять астраханскую крепость (Там же, л. 126–126 об.). Ибрагим Ази промолчал: он прекрасно знал, что Ямгурчей-аталык был свидетелем укрепления Астрахани в 1586–1588 гг.

На этом «обмен мнениями» завершился. Всеволожский объявил, что они «донесут до бояр» «речи» крымцев. Крымских гонцов «обнадежили» напоминанием о том, что Б.Ф.Годунов всегда стоял за «дружбу и братство» между московским государем и крымским ханом. При этом Всеволожский многозначительно произнес, обращаясь к ханскому эмиссару: «а тебе Ямгурчею о тех делах больше ведомо». Всем крымским гонцам велено было «до указу» стоять в Болхове. После того, как приславшие Всеволожского и Степанова «бояре донесут до государя» их «речи», будет принято решение о дальнейших переговорах и о аудиенции у московского царя (Там же, л. 126 об.–127).

Крымцы были отпущены, но Всеволожский и Степанов не сомневались, что они провели пока только «предварительную работу». Московские представители не зря напоследок демонстративно обратились к Ямгурчею-аталыку: его молчание во время «расспросов» было слишком выразительно. Сразу же после ухода крымцев Ямгурчею-аталыку было велено передать, что он может донести до московских эмиссаров свои «речи». Через несколько часов уже «в ночи» Ямгурчей-аталык явился обратно к Всеволожскому и Степанову. Началась вторая часть «расспроса».

³ «Исторические экскурсы» крымских дипломатов во время переговоров и крымских ханов в своих посланиях в Москву требуют развернутых комментариев, которые, к сожалению, выходят за рамки настоящего исследования.

Собеседники прекрасно понимали друг друга, и переговоры сразу же приняли конкретный характер. Напомним, что Степанов в течении почти трех лет имел с Ямгурчеем-аталыком тесные контакты в Астрахани. При этом С.Степанов, как явно следует из дальнейшего обмена репликами с ханским эмиссаром, непосредственно участвовал в организации его «отпуска» из Астрахани в Крым с извещением о смерти Мурад-Гирея.

«Распрос» начался с напоминания московскими эмиссарами Ямгурчею-атлыку о том, сколько он лично «добра видел» от Б.Ф.Годунова и том, что ему более чем кому-либо известно о «радении» Бориса Федоровича о Мурад-Гирее. От аталыка потребовали дать разъяснения об обстоятельствах принятия решения ханом о нападении на Русское государство (Там же, л. 127 об.–128). Ямгурчей-аталык заявил, что он прибыл в Крым из Астрахани уже после выступления хана в поход, но ход событий ему хорошо известен. Гази-Гирей весной получил приказ Порты выступить на Речь Посполитую, однако затем ему из Стамбула пришла важная информация. «Царевичи» Алп-Гирей и Селамет-Гирей «сказывали» султану о том, что «Казы-Кирей царь ему не добр а добр к московскому». Султану было предложено дать повеление об отправлении Гази-Гирея в поход «на московского». В случае отказа, предполагалось сместить его с престола. Эти известия в частном порядке сообщил хану «друг его Ибрагим Ших». Известие было доставлено хану уже после его выхода за Перекоп почти одновременно с извещением о смерти в Астрахани Мурад-Гирея. Тогда на совете в полевой ставке хана и было принято решения идти на Москву. При этом Ямгурчей-аталык вновь подчеркивал, что хан не намерен был «чинить убытка государевой земле» (Там же, л. 128–129). Московские эмиссары, естественно, выразили возмущение заведомо ложными обвинениями Москвы в «потраве царевича», как выбранного ханом предлога для нападения. На это Ямгурчей-аталык незатейливо ответил, что это «царь говорил при всех людях», лично не сомневаясь в том, что к смерти «царевича» и его семьи Москва не имеет отношения. Всеволожский и Степанов выразили возмущение «неправдой царя» (Там же, л. 129). В ответ Ямгурчей-аталык разразился длинным рассказом о подлинной цели своей миссии. Вначале он ярко и красочно рассказал о том, как «царь обрадовался», увидев его в Крыму после своего возвращения из похода, и велел немедленно отправляться в Москву. Официально целью его миссии являлись переговоры о возвращении «царицы» Ертуган и лиц из состава «двора» Мурад-Гирея. В действительности, он направлен для переговоров от имени хана с Б.Ф.Годуновым. Гази-Гирей II вручил ему два послания – «тайные грамоты» царю Федору Ивановичу и Б.Ф.Годунову. Кроме того, ему велено передать «словом», что хан «боится турского», который хочет заменить его на престоле «Алп-Киреем царевичем». В этой связи Ямгурчею-аталыку поручено ханом передать Б.Ф.Годунову важные предложения. О миссии Ямгурчей-аталыка осведомлен только Моллакай Аллей-аталык. В случае своего смещения с престола Портой, хан хочет выйти «с Перекопи» в свои «улусы» и оттуда «разорять» Крым. Для успеха плана ему необходимо срочно поставить город на Кошкином перевозе, который он намерен сделать своим местопребыванием. Для постройки города необходимы деньги, которые хан рассчитывает получить из Москвы. В случае успешной реализации плана Гази-Гирей готов принести шерть московскому государю. Ямгурчей-аталык настаивал на том, что смена хана практически решена Портой. Москва остается единственной надеждой для Гази-Гирея. В случае отказа Гази-Гирей «опять пойдет под турского» – подчиниться решению Порты о своем смещении с престола и отбудет в Стамбул. Ямгурчей-аталык также сообщил, что ему предписано лично передать «тайные грамоты» Борису Федоровичу и сообщить ему о «многих делах» (Там же, л. 129–131). В ответ Всеволожский обещал доложить обо всем лично Борису Федоровичу. Ямгурчею-аталыку предписывалось оставаться в Болхове с другими крымскими гонцами (Там же, л. 131).

8 ноября Всеволожский и Степанов возвратились из Болхова в Москву и предоставили в Посольский приказ «распросное дело». Еще до этого, 4 ноября, в Москву прибыл И.Бибилов, доставивший свои «верстовой список». Все информация была незамедлительно доложена А.Я.Щелкаловым лично Б.Ф.Годунову. В Москве развернулись напряженные политические консультации. О степени их важности свидетельствует тот факт, что «приговор» о следовании крымских гонцов к Москве был принят только 28 ноября, т.е. через двадцать дней.

«Инициативы» Гази-Гирея II, несомненно, рассматривались в правящих верхах в свете недавних событий в Крыму, начиная с середины 80-х гг. В 1584 г «Сеадет-Кирей царь», действительно, «вышел с Перекопи» и не только «разорял», но и захватил на несколько месяцев Крым. Претенденты на крымский престол в лице Мурад-Гирея действительно шертовали московскому государю. Вражда Гази-Гирея II с Алп-Гиреем была установленным фактом. Сведения о возможном смещении хана с престола и замене его именно Алп-Гиреем сообщались всеми без исключения русскими

дипломатическими представителями в Крыму, отправляемыми туда после воцарения Гази-Гирея. И все же Б.Ф.Годунов очень осторожно отнесся к неожиданной инициативе хана. Именно быстрота смены положения в Крыму и вообще ситуации во всем западном Дешт-и-Кипчаке в последние годы побуждала его к осторожности. В итоге было принято решения тянуть время, дожидаясь дальнейшего развития событий. Пока было предписано занять жесткую позицию. Установить подробности обсуждения «крымского дела», к сожалению, не представляется возможным.

Итак, 28 ноября всех крымских гонцов было велено везти в Москву, куда они прибыли 6 декабря (Там же, л. 132–132 об.). 12 декабря Ибрагим Ази и Ямгурчей-аталык были приглашены в Посольский приказ, где они были опрошены А.Я.Щелкаловым (Там же, л. 133). Посольский дьяк лично вел «расспрос». Присутствовал только переводчик Степан Полуханов. Крымцы были встречены холодно: А.Я.Щелкалов вопреки обычаю с ними не «корошевался» (Там же, л. 133 об.). После традиционного вопроса «с чем прислал Вас Казы-Кирей царь?» и столь же традиционного ответа о том, что «присланы они с добрым делом» начались переговоры.

А.Я.Щелкалов вновь изложил историю русско-крымских «ссылок» последних лет, возложив на крымскую сторону преднамеренный срыв посольского размена летом-осенью 1590 года и весной 1591 года. Русская сторона вменяла крымцам в вину и задержание Ивана Бибикова. Крымское нападение жестко оценивалось как «порушение доброго дела» (Там же, л. 134–136). Ответы крымцев были столь же традиционны: срыв посольского размена произошел из-за непредвиденных обстоятельств – смерти «разменного посла» бека Мурада Яшлавского. Летнее нападение мотивировалось получением известия о «потраве» Мурад-Гирея. Однако при этом крымская сторона скорректировала свою позицию – прямо и однозначно было заявлено, что «царица Ертуган» передала с Ямгурчеем-аталыком известие о том, что Мурад-Гирея «судом божьим» не стало. Однако, это стало известно уже после возвращения хана в Крым. Крымцы особо подчеркивали, что И.Бибиков был незамедлительно отпущен вместе с ними в Москву (Там же, л. 136–137).

На это последовал довольно саркастический вопрос Андрея Яковлевича: почему хан в момент, когда он «у Москвы стоял» не «сослался» с государем и Б.Ф.Годуновым об обстоятельствах смерти «царевича» (Там же, л. 137). Задав этот вопрос, Андрей Яковлевич, не дав раскрыть рта крымцам, дал на него собственный ответ: «царь побегал и государя нашего шурина и слуга конюший боярин и воевода дворовый, наместник казанский и астроханский Борис Федорович и иные бояре и воеводы со многими государевыми людьми за ним гнались и многих людей побили и языков поймали» (Там же, л. 137 об.). А.Я.Щелкалов тем самым подчеркнул, что при отходе крымцев хан даже не прислал гонца с мотивацией нападения, что имело место при походах его отца Девлет-Гирея в 1571 и 1572 гг. В ответ крымцы, не вступая в дискуссии, исправили «челобитие» Борису Федоровичу Годунову и «всем государевы бояры» с тем, чтобы они «просили» у государя «оставя всякие досады и всякую неправду Казы-Кирея царя» вновь «бытии по прежнему в ссылке и дружбе». Крымцы заверили, что хан «прямо хочет со государем бытии вперед в дружбе и в братстве» (Там же, л. 138–138 об.). Выслушав эту «речь», Андрей Яковлевич милостиво согласился донести их «челобитие» до Бориса Федоровича и, наконец, «покорошевавшись», отпустил крымцев.

Началась вторая часть переговоров. Ибрагим Ази отбыл, а Ямгурчей-аталык «в палате один остался для тайных разговорных речей» (Там же, л. 138 об.). Судя по всему, переводчик был отпущен и собеседники разговаривали один на один.

Ямгурчей-аталык произнес «тайную речь», адресованную «государя вашего шурина и везирию большому», в которой повторил все сказанное в Болхове И.Всеволожскому, но с серьезными уточнениями. Ямгурчей-аталык прямо заявил, что «царь боится на Крыме Алп-Кирея царевича» и «хочет от турецкого отстать». Далее была повторена просьба о присылке «запросных денег» для постройки «города на Кошкине перевозе», где хан смоет укрыться после своего отступления из Крыма. Туда должна была подойти «государева рать с вогненным боем» для вторжения в Крым (Там же, л. 139–139 об.). Таким образом, теперь было озвучено намерение Гази-Гирея вернуть себе престол с вооруженной помощью Русского государства, что в принципе возвращало ситуацию в формат пребывания в Астрахани Мурад-Гирея в 1586–1588 гг. А.Я.Щелкалов, не вдаваясь в дискуссии, взял «тайные послания» хана царю и Б.Ф.Годунову, отпустил эмиссара Гази-Гирея II и немедленно отправился с докладом к «большому везирию» (Там же, л. 140).

Результаты доклада в тот же день воплотились в «приговор государя з бояры» (Там же, л. 140–140 об.). С тем, чтобы «ссылки со царем не порушились» крымским гонцам было велено «бытии у государя на дворе». К сожалению, лаконичные слова приговора не передают хода обсуждения «крымского дела».

Дальнейшее развитие событий показало, что ознакомившись с крымскими инициативами, русская сторона заняла жесткую позицию. Ямгурчей-аталык отпускался. Ибрагим Ази задерживался. Отпускались некоторые задержанные ранее крымские гонцы. В Крым отправлялся гонец М. Протопопов. В личной встрече с Б.Ф.Годуновым Ямгурчею-аталыку было отказано.

Это было оглашено на двух аудиенциях крымских гонцов у государя. Однако русская сторона по традиции «держала временную дистанцию». Разрыв между аудиенциями составил почти месяц.

Первая аудиенция крымских гонцов последовала 20 декабря (Там же, л. 141). В соответствии с традициями главную роль на ней играл Ибрагим Ази. После принятия А.Я.Щелкаловым официальных посланий хана Ибрагим Ази произнес «речь» (Там же, л. 142–142 об.). Она была целиком посвящена «делу Мурад-Гирея». Крымский дипломат поведал, что некие «лихие люди», которые «меж на ссорили» донесли до хана весть об отравлении «зельем» его племянника в Астрахани. Поэтому «мы ходили на вашу землю войною». Однако после возвращения «в свой юрт» от «Мурад-Киреевой царицы» прибыл Ямгурчей-аталык, рассказавший, что «царевича божьим судом не стало». После этого «похотя с тобою вперед бытии в дружбе и братстве» хан посылает «с добрым делом» своих гонцов⁴.

Последовала жесткая ответная «речь» А.Я.Щелкалова (Там же, л. 143–144). Посольский дьяк напомнил, что до крымского нападения в Москву прибывали гонцы во главе с Аллабердеем-мурзой, затем с Иссем, с ними присылались послания хана «о дружбе», а в конечном итоге «царь на государя нашего землю войною приходил». Поэтому сейчас хан не получит ответа. Аудиенция гонцов у государя вообще состоялась только благодаря «прошению и челобитию государева шурина Бориса Федоровича». После этого крымцы были отпущены. Таким образом Ибрагиму Ази на аудиенции не дали огласить крымские условия восстановления «ссылок», не говоря уже о возможном заключении «докончания». Закрытой осталась и тема отпуска вдовы Мурад-Гирея и его «дворовых людей». Русская сторона явно не желала сразу принимать «объяснения» Гази-Гирея относительно своего летнего нападения.

После этого в контактах с крымцами последовала длительная пауза. Формально она по традиции объяснялась временем, необходимым государю и «великому везиру» для ознакомления с доставленным им ханскими посланиями. Впрочем на этот раз содержание посланий хана как «официальных», так и «тайных» была хорошо известна по расспросам крымцев в Болхове Всеволожским и Степановым и в Москве А.Я.Щелкаловым.

В реальности Б.Ф.Годунов ждал реакции Речи Посполитой на поражение крымцев под Москвой и вообще исхода ратификации московского договора о продлении перемирия. 24 декабря 1591 г. в Москву вернулся «сеунч» Д. Ислентьев (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 268), доставивший послание Сигизмунда III на имя государя (Там же, л. 268–269 об.), опубликовано М.М.Щербатовым – Щербатов, 1904, приложение №29, стлб. 696–697), в котором выражалась формальная «радость» от поражения «бесерман». Д.Ислентьев предоставил объемный статейный список (Там же, л. 270–318) о ходе своей миссии, которое совпало с пребыванием в Речи Посполитой посольства М.Г.Салтыкова – И.П.Татищева, ратифицировавшего в декабре 1591 года московский договор о продлении перемирия (Виноградов, 2012, с. 42–43). Посланник был принят королем в Казимирове 26 ноября и 5 декабря практически одновременно с посольством (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 314 об.). Годунова, естественно, интересовал ход «ссылок» Крыма с Речью Посполитой. Ислентьев узнал, что крымское посольство было принято королем в Кракове до его отбытия в Казимиров. Подробности переговоров с крымцами ему остались неизвестны. Однако Ислентьев выяснил, что в октябре крымский гонец, направляющийся в Швецию к «Ягану королю», едва не был задержан и пропущен после длительного обсуждения «крымского дела» «панями радными». Сенаторы поставили пропуск ханских эмиссаров в Стокгольм через территорию Речи Посполитой в зависимости от уступок крымской стороны в вопросе о выплате «упоминок» (Там же, л. 303 об.–305). Полученная информация показывала, что возможности для дипломатического маневра у Гази-Гирея II весьма ограничены.

25 января 1592 г. Ибрагим Ази и Ямгурчей-аталык были вызваны в посольский приказ к А.Я.Щелкалову (РГАДА. Ф. 123. Оп.1. Ед. хр. 19. Л. 162). На этот раз Посольский дьяк принял их вместе с Постником Дмитриевым, в тот момент вторым по значению после него дьяком в москов-

⁴ По иному передается содержание «речи» Ибрагима Ази в разрядах «а в речи Абреим Азей говорил государю, что крымский царь Коза-Гирей приходил на государеву украину и к Москве неволею, а дружа де тебе, рать свою крымскую поморил и войны нигде» (РК, 1475–1605, т. III, ч. III, с. 22). В данном случае смешиваются «речи» гонца на разных аудиенциях.

ских «коридорах власти». Руководители московской дипломатии в качестве предлога для затягивания ответа на крымские мирные предложения использовали факт «написания непригожих слов» в ханском послании на имя государя мимо «прежних обычаев» при этом, что это были «многие непригожие слова» не указывалось⁵. Тем не менее, московский государь вновь «по челобитию» своего шурина и «всех бояр» согласился на возобновление «ссылок». В Крым отправляется гонец, «а вскоре вам отпуск будет». При этом подчеркивалось, что московский государь «на цареву правду ево ещо посмотрит» (Там же, л. 162–165). В ответ Ямгурчей-аталык и Ибрагим Ази заверили, что они «радеют о добром деле чтоб царь на своей правде крепко стоял» (Там же, л. 165–165 об.).

На следующий день, 26 января, состоялся «приговор» о вызове в Москву бека Иссея и Аллабердея-мурзы с сорока «лучшими гонцами» для участия в аудиенции у государя и «очной ставки» с вновь прибывшими крымскими дипломатами (Там же, л. 165 об.). Перед этим было решено отдельно принять Ибрагима Ази и Ямгурчей-аталыка и объявить им об «отпуске». Таким образом, оставалась «свобода рук» для продолжения задержания «старых» крымских гонцов.

Аудиенция состоялась 3 февраля (Там же, л. 166). В ней участвовали шестнадцать крымских гонцов во главе с Ибрагимом Азии и Ямгурчеем-аталыком. В Посольском приказе позаботились о максимально полном представительстве на аудиенции гонцов от «царевых ближних людей». Присутствовали гонцы от Моллакая Аллея аталыка, беков Кутлу-Гирея Ширинского, Арслана «Дивеева», Дербыша Кулюкова Ахмед-паши Яшлавского, Заграпа «Перекопского» и от «казначей» Ахмеда-аги (Там же, л. 173 об.–174 об.). Расчет делался на максимальную «открытость» позиции русской стороны.

А.Я.Щелкалов произнес огромную «речь», в которой в очередной раз изложил историю русско-крымских «ссылок» начиная с лета 1590 года (приезда Аллабердея-мурзы) (Там же, л. 167–171). Вначале казалось, что Посольский дьяк в который уже раз излагает давно известную крымцам московскую версию событий, но затем гонцы услышали нечто новое. При описании приезда в начале 1591 года гонца Иссея Андрей Яковлевич особо подчеркнул, что в доставленном с ним послании московскому государю хан извещал его о отправлении с посольством Монаш дувана – «своего ближнего человека и с ним наказывал о всяких тайных делах» (Там же, л. 169). Тем самым по аналогии показывалась роль Ямгурчей-аталыка. Впрочем, далее все вернулось в прежнее русло. А.Я.Щелкалов, вновь, в который уже раз, подчеркивал, что московский государь не ждал «цареву приходу», будучи уверенным в скором посольском размене. Его «рати стояли против непослушника своего Ягана короля». Вновь подробно и обстоятельно излагались обстоятельства смерти Мурад-Гирея. Особо подчеркивалось, что Ямгурчей-аталык был отправлен в Крым из Астрахани «царицей» Ертуган с согласия московских властей. Далее Андрей Яковлевич также подробно и обстоятельно рассказывал, как московский государь, памятуя «Казы Кирея царя неправды и досады» долго не соглашался принять крымских гонцов. Аудиенция стала возможна только после «челобития» Бориса Федоровича Годунова. С тем, чтобы убедиться в том, что «царевы неправды» остались в прошлом, московский государь отправляет в Крым своего гонца Михаила Протопопова. С ним отпускаются и Ямгурчей-аталык, и Ибрагим Ази. В случае благополучного возвращения гонца в Крым, направляются «государевы послы» – князь Меркурий Александрович Щербатов и дьяк Афанасий Шепилов. Новый русский гонец по традиции был тут же предъявлен крымцам. Ответа крымцам озвучить не позволили. Они были «пожалованы» шубами и отправлены на крымский двор. Помимо участвующих в аудиенции «жалование от казны» получили все крымские гонцы, находящиеся в Москве.

Итак, русская сторона не дала определенного ответа на «мирные предложения» Гази-Гирея. Хану дали понять, что после его нападения отношения Крыма с Москвой будут восстанавливаться не на его условиях.

Однако это была еще не последняя часть дипломатического «действия».

7 февраля в Москву было доставлено сорок пять «старых» крымских гонцов во главе с Аллабердеем-мурзой и Иссеем (Там же, л. 175). Крымцев было решено «рассортировать». Часть из них подлежала «отпуску». Пока они не были переведены на крымский двор к «новым» гонцам, а содержались «в Рогожской Слободе».

8 февраля Аллабердей-мурза и Иссей были вызваны в Посольский Приказ к А.Я.Щелкалову и П.Дмитриеву (Там же, л. 175 об.). Переговоры по традиции начались с речи» А.Щелкалова, как всегда объемной и жесткой (Там же, л. 176–180). Напомнив обстоятельства Аллабердея-мурзы и Иссея с извещениями о посольском размене Посольский, дьяк в который уже раз обрушился на

⁵ Возможно, именно этим объясняется невнесение послания хана Федору Ивановичу в посольскую книгу.

«царевы неправды» Апеллируя к Аллабердею-мурзе А.Я.Щелкалов напоминал, что посольство И.Траханионова до осени стояла под Ливнами, а затем в Болхове. Обращаясь к Иссею, А.Я.Щелкалов подчеркивал, что после его приезда было снаряжено новое посольство во главе с князем М.А.Щербатовым. Андрей Яковлевич подробно рассказал и об «ограблении» Ивана Бибикова в Крыму и о его заточении «в жидовском городе». При этом А.Я.Щелкалов категорически отверг утверждение, что в грамоте, посланной с Бибиковым к хану, содержались «многие сорные слова». Между прочим А.Я.Щелкалов напомнил о том, что в то время как И.Бибиков находился в заточении, крымские гонцы спокойно проживали в Переяславле-Залесском, обеспечиваясь «кормом». Красочно описав, как хан «приходил на государя нашего землю» и как он бесславно «побежал», Андрей Яковлевич информировал крымцев о приезде Ибрагима Ази и Ямгурчей-аталыка. Не вдаваясь в детали крымских «мирных предложений», А.Я.Щелкалов заявил, что принято решение об отпуске двух вновь прибывших ханских эмиссаров и отправлении вместе с ними гонца Михаила Протопопова. При этом А.Я.Щелкалов жестко заявил, что Аллабердей-мурза и Иссей отпущены не будут и их дальнейшая судьба зависит от «царевой правды». В случае повторного нападения «царя» с них «снимут головы». В заключении Андрей Яковлевич предложил крымцам определить, кого из прибывших с ними гонцов они отпустят вместе с Ибрагимом Ази и Ямгурчеем-аталыком.

В ответ Аллабердей-мурза и Иссей, признав «цареву неправду», исправили «челобитие» с просьбой перевести их вместе с остальными доставленными с ими гонцами «на Крымский двор». (Там же, л. 180–180 об.). После доклада А.Я.Щелкалова думным чинам бояре в тот же день «приговорили» исполнить просьбу крымцев (Там же, л. 180 об.–181). «Воссоединение» всех крымских гонцов, несомненно, было признано целесообразным для дальнейших переговоров. Уже 10 февраля последовало «челобитие» четырех главных крымских гонцов о новой встрече с А.Я.Щелкаловым и П.Дмитриевым. В тот же день «большие дьяки» доложили о «челобитии» лично Б.Ф.Годунову. Борис Федорович дал согласие на переговоры и вне всякого сомнения дал устные инструкции (Там же, л. 181).

Переговоры состоялись 13 февраля (Там же, л. 181 об.). Аллабердей-мурза, Иссей, Ибрагим Ази и Ямгурчей-аталык вчетвером прибыли к А.Я.Щелкалову и П.Дмитриеву. Позиция крымцев была «озвучена» Аллабердеем-мурзой и Иссеем. Их устами крымская сторона признала, что «царь на своем слове не устоял и послов не прислал». Оба крымских гонца поведали, что «их лица черны стали», когда они узнали о походе «царя» и что они «боятся», что в случае, если он вновь «не устоит на своей правде», то они «здесь погибнут» (Там же, л. 181 об.–182). Далее Иссей и Аллабердей-мурза исправили «челобитие» Б.Ф.Годунову. Они просили «отпустить» одного из них с Ибрагимом Ази и Ямгурчеем-аталыком, чтобы рассказать «правду царю» о том как они по «прежним обычаям» благополучно находились на территории Русского государства во время его похода (Там же, л. 182–182 об.). «Челобитие» крымцев было исполнено. После обсуждения вопроса на думе было решено отпустить с Ямгурчеем-аталыком Иссея с некоторыми «старыми» крымскими гонцами. Ибрагим Ази и Аллабердей-мурза задерживались. Помимо Ибрагима Ази вновь прибывшие крымские гонцы отпускались все (Там же, л. 183–183 об.).

22 февраля четыре главных крымских гонца были вновь вызваны в Посольский приказ, где А.Я.Щелкалов и Постник Дмитриев им сообщили о решении «государя з бояры» (Там же, л. 184). Это было сделано в очередной долгой и обстоятельной «речи» Андрея Яковлевича (Там же, л. 184–187 об.). Оглашенное решение вызвало резкий протест крымцев, так как «челобитие» предусматривало отпуск одного из «старых главных гонцов» вместе с двумя «новыми». Кроме того, Аллабердей-мурза прибыл ранее отпускаемого Иссея (Там же, л. 187 об.–188 об.).

Можно с уверенностью сказать, что конфликтную ситуацию спровоцировала русская сторона. Оставление «на Москве» Аллабердея представителя клана Яшлавских-«Сулешевых», претендовавших на наследственное «амиатство» само по себе было определенным вызовом. Неудивительно, что Аллабердей-мурза особенно бурно протестовал, но А.Я.Щелкалов жестко заявил, что вопрос не подлежит обсуждению (Там же, л. 189–189 об.). Знаковым было и оставление «на Москве» «официального» ханского гонца и отпуск личного эмиссара хана. Далее крымцев информировали о содержании грамот отправляемых в Крым с новым гонцом М.Протопоповым. Условием установления «доброего дела» будет являться не просто посольский размен, а посольский съезд – «ближние люди с обе стороны» должны будут съехаться о всяких добрых делах». Затем А.Я.Щелкалов «обрадовал» крымцев известием о том, что ханский гонец «к свийскому королю» едва не был пойман «государевыми людьми», но «утек». Посольский дьяк особо подчеркнул, что это произошло уже после прибытия Ибрагима Ази и Ямгурчей аталыка. В этой связи А.Я.Щелкалов заявил, что госу-

дарь не имеет доверия к обещаниям «дружбы и любви» со стороны «Казы-Кирея царя», и только «челобитие» Б.Ф.Годунова у государя позволило отпустить гонцов. Отпускаемым крымцам было предписано довести эту информацию («такие дела») до «царя» (Там же, л. 189 об.–190).

Инициативу ответа взял на себя Ямгурчей-аталык, сообщив, что лично он «не ведает с чем царь посылал ко свийскому», но выяснит это, когда «будет у царя». Заявление вызвало перепалку среди крымцев, после чего Ибрагим Ази долго говорил о том, что он вместе с Ямгурчеем-аталыком «пришел к государю вашему с прямым делом». Затем Аллабердей-мурза вновь стал настаивать на своем отпуске вместо Иссея. В ответ А.Я.Щелкалов сделал сильный ход – «отпуск» Аллабердея-мурзы сможет произойти только в рамках посольского съезда, когда «ближние люди» обеих сторон «о всяких делах переговоят». Намекалось, что Москва не возражает против традиционного назначения «разменными послами» представителей клана «Сулешевых» – Яшлавских. Тут инициативу проявил Ибрагим Ази, долго и красочно говоривший о готовности «царя» провести посольский съезд именно после его, Ибрагима Ази, возвращения и с его участием. На это А.Я.Щелкалов ответил, что русская сторона готова провести посольский съезд и размен не зависимо от того, кто из главных крымских гонцов отправиться в Крым (Там же, л. 190–190 об.).

После этого Андрей Яковлевич неожиданно «вспомнил» о просьбе хана отпустить в Крым «Ертуган царицу» и «царевичевых людей». Ямгурчей аталык с готовностью стал развивать эту тему и получил заверение Посольского дьяка в том, что отпуск в Крым Ертуган и лиц из состава двора Мурад-Гирея (с их согласия) в Крым состоится в рамках посольского съезда и размена. Наконец, П.Дмитриев в осторожной и неопределенной форме сообщил, что в ходе посольского съезда и размена в Крым будут отпущены «полоняники». Речь шла, главным образом, о Ибрагиме-паше-мурзе Яшлавском, хотя он и не был назван по имени (Там же, л. 190 об.–191). На этом переговоры закончились. Ввиду «рокировки» крымских гонцов в тот же день состоялась повторная отпускная аудиенция.

На ней присутствовали все четыре «главных гонца», которые в очередной, который уже по счету раз, должны были выслушать очередную «речь» А.Я.Щелкалова с перечислением «царевых неправд», после чего было объявлено об отпуске Ямгурчей-аталыка и бека Иссея (Там же, л. 191 об.–193).

Пребывание в Москве Ибрагима Ази и Ямгурчей-аталыка отразилось в разрядах – факт исключительный для московского делопроизводства. Позиция крымской стороны, озвученная в посольских «речах» официального ханского гонца, выглядела в разрядах следующим образом: «а в речи Абреим Азей говорил государю, что крымский царь Крза Гирей приходил на государеву украину и к Москве неволею, а велел идти на государеву украину турский царь, и он де приходил неволею, а дружа да тебе, брата своему, рать свою крымскою поморил и войны нигде не распустил – и в том бы его государь простил и покрыл ево, а он, крымский царь вперед перед государем исправитца и братскую любовь станет держать крепко» (РК, 1475–1605, т. III, ч. III, с. 22–23).

3 марта крымские гонцы выехали из Москвы вместе с М. Протопоповым, который вез многочисленные послания хану и его «ближним людям» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 193 об.). «Тайные послания» вез Ямгурчей-аталык.

«Официальная» позиция русской стороны была сформулирована в послании царя Федора Ивановича хану, отправляемым с Протопоповым (Там же, л. 195 об.–205 об.). Отпуск Ертуган и той части крымской эмиграции, которая согласна была вернуться в Крым должен произойти на посольском съезде при условии принесения предварительной шерти разменными послами и представителями ведущих крымских кланов с обязательством отказа от союзных отношений Крыма с Речью Посполитой и со Швецией. «Неофициальная» позиция излагалась в «тайной грамоте» от имени государя, врученной Ямгурчею-аталыку. Она не была внесена в посольские книги, но ее содержание в целом известно из дальнейшей переписки между ханом и Б.Ф.Годуновым. Было сообщено, что возможность помощи хану в случае его смещения с престола должна рассматриваться особыми эмиссарами. Возможность присылки «запросных денег» ставилась в зависимость от исхода переговоров на посольском съезде.

«Наказная память» М.Протопопову (Там же, л. 215 об.–267), составной частью которой по традиции являлись «посольские речи» (Там же, л. 222–223), несколько корректировала содержание посланий. В «посольских речах» упор делался на то, что «ты брат наш Казы-Кирей царь приходил на нашу землю по соре лихих людей» (Там же, л. 222 об.). Это формулировка могла истолковываться по-разному. Кратко говорилось о необходимости проведения посольского съезда, но вопрос о Еруган не упоминался. Зато в «тайном наказе» Протопопову было предписано подробно рас-

смотреть вопрос о посольском съезде. Дело в том, что в рамках «наказной памяти» М.Протопопову был дан «тайный наказ» (Там же, л. 252 об.–261). В нем, помимо задач разведывательного характера, предписывалось не вступать ни к каким переговорам о «тайном деле», ссылаясь на отсутствие полномочий («Михаилу про то не говорити») (Там же, л. 260–260 об.). Следовало подчеркивать, что «тайная грамота» от государя к хану была вручена лично Ямгурчею-аталыку (Там же, л. 260). Основная часть «наказной памяти», включая «тайный наказ» традиционно была посвящена ответам на возможные вопросы крымцев о внешнеполитическом положении Русского государства. Протопопов должен был четко и подробно рассказать о том, что перемирие между Москвой и Речью Посполитой ратифицировано польско-литовской стороной (Там же, л. 237 об.–238), о ходе русско-шведского конфликта (Там же, л. 238 об.–241 об.). При этом Протопопов должен был рассказать об известных в Москве фактах «ссылки между Ягаило королем и Казы-Киреем царем» (Там же, л. 242–242 об.). Жестко и четко надлежало объявить о переходе князя кабардинского Янсоха Кайтукина в русское подданство – «государь учинил его Янсоха князя над всею кабардинскою землею большим князем» (Там же, л. 244). Впрочем, и «грузинский Александр царь и юргенской Азий царь и шевкальский князь и черкесские и все горские и кабардинские князья и мурзы государю нашему служат» (Там же, л. 243 об.).

Итак, русская сторона заняла достаточно жесткую позицию в ответ на мирные инициативы Гази-Гирея II. Если свести воедино результаты многочисленных «расспросов» (по существу переговоров) с крымскими гонцами, содержание официальных и неофициальных посланий от имени царя Федора Ивановича так и от Б.Ф.Годунова хану и его «ближним людям» и инструкции данные М.Протопопову, то ответ Москвы выглядел следующим образом:

- для урегулирования русско-крымского конфликта должен состояться посольский съезд;
- отпуск задержанных крымских гонцов произойдет только в рамках посольского съезда;
- отпуск «царицы» Ертуган произойдет только в рамках посольского съезда;
- отпуск лиц из состава двора Мурад-Гирея и прочих крымских эмигрантов, в силу разных обстоятельств оказавшихся на Москве, произойдет только в рамках посольского съезда, причем возвращение в Крым будет обусловлено их добровольным согласием;
- отпуск крымских пленников из числа знати произойдет только на посольском съезде после принесения ими шерти с обязательствами не совершать нападения на московские «украины»;
- на посольском съезде крымская сторона должна подтвердить свой отказ от союза с Шведской короной посредством принесения шерти «разменными послами»;
- до проведения посольского съезда в Крым будут посылаться только обычные легкие «поминки»;
- возможность присылки «запросных денег» должна рассматриваться в рамках «тайного дела», а их количество согласовано на посольском съезде;
- возможность выезда хана, в случае его смещения Портой на территорию Русского государства, должна рассматриваться в рамках «тайного дела», желательно особыми эмиссарами;
- Москва принимает к сведению угрозу нового османского похода на Астрахань с участием крымцев и готова к такому развитию событий.

Жесткая позиция Москвы, которая вне всяких сомнений определялась лично Борисом Федоровичем Годуновым, могла иметь серьезные негативные последствия для решения всего комплекса внешнеполитических задач Русского государства, причем уже в ближайшей перспективе. Фактический провал личной дипломатии хана, серьезно осложнявший его положение на престоле, мог иметь следствием организацию нового крымского нападения на Русское государство как единственную возможную форму адекватного ответа на официальный отказ немедленного отпуска Ертуган. Гази-Гирей II неизбежно должен был интенсифицировать поиски союза со Швецией и с Речью Посполитой.

Тем не менее, жесткая позиция Бориса Федоровича была не лишена внутренней логики. Наличие перемирия с Речью Посполитой затрудняло установление какой-либо договоренности Крыма и Швеции о координации действий против Москвы. Новое крымское нападение виделось малореальным ввиду тяжелого внутривосточного положения Крыма. Наконец, смещение Гази-Гирея с престола могло повлечь за собой новый виток «ссоры великой в Крымском юрте». Впрочем, опасения вызывали намерения Порты. Было очевидно, что ее позиция будет иметь решающее значение. Поэтому вполне логичным было отправление в Стамбул, одновременно с отпуском крымских гонцов миссии Григория Афанасьевича Нащокина. Как известно, Г.А.Нащокину предписывалось провести крупномасштабный зондаж относительно всего комплекса накопившихся проблем в от-

ношениях Москвы и Порты – союза Москвы с Сефевидами, усиления ее позиций на Кавказе, фактической поддержки действий донского казачества в отношении османских владений. Эти задачи миссии Нащокина уже рассматривались в той или иной форме в отечественной историографии (Кушева, 1963, с. 279–280, Смирнов, 1946, с. 144–145). В данном случае ограничимся рассмотрением проблем русско-крымских отношений. Русская сторона декларировала готовность отпустить по «просьбе» Порты Мурад-Гирея, но не смогла этого сделать, так как во время пребывания османского чавуша (Ибрагима) в Москве «царевич» находился «у Шевкала» – «жил в шевкалах долгое время» (РГАДА. Ф. 89. Ед. хр. 3. Л. 36 об.). Расчет делался на несомненно известный Порте факт поездки Мурад-Гирея «к шевкальскому князю». Об обстоятельствах смерти Мурад-Гирея не упоминалась и с «приходом Казы-Кирея царя на государеву землю» она не связывалась.

Информируя Порту о летнем походе 1591 года Гази-Гирея II Г.А.Нащокин, естественно, должен был изложить «московскую версию» событий. Ему было предписано изложить ход русско-крымских «ссылкок» с лета 1590 года. Подчеркивалась готовность русской стороны к посольскому размену, который был сорван по вине крымской стороны (Там же, л. 59–60). Однако Г.Нащокин должен был проинформировать Порту о миссии Ибрагима Ази и Ямгурчя-аталыка и сообщить об отправлении в Крым М.Протопопова (Там же, л. 60 об.–61). Подробности русско-крымских переговоров отпускаясь. Нащокин отбыл из Москвы 29 марта 1592 года (Там же, л. 2).

Как известно, русский посланник прибыл в Стамбул только в сентябре 1592 г. (Там же, л. 139) и находился там до апреля 1593 г. (Там же, л. 152 об.), когда в политике Порты начались серьезные изменения: обозначилась перспектива крупноформатного военного столкновения османов с австрийскими Габсбургами в Центральной Европе (Шушарин, 1998, с. 31). Это во многом повлияло на оценку Портой и, в первую очередь, лично великим везирем Синан-пашой политической линии хана Гази-Гирея II в отношении сопредельных государств Восточной Европы (Ivanics, 1994, s. 62). Между тем, в период длительного следования Г.А.Нащокина в Стамбул «ссылки» между Москвой и Бахчисараем получили дальнейшее развитие.

Миссия Михаила Протопопова в Крыму (апрель–ноябрь 1592 г.)

Отправляя Протопопова, Б.Ф.Годунов исходил из «многовариантности» развития событий в Крыму, в том числе и смещения Гази-Гирея с престола. Однако обстоятельства сложились по иному. Русскому гонцу пришлось столкнуться с возобновлением попыток «силового давления» со стороны Крыма на Русское государство, осуществляемых к тому же с одобрения Порты.

К началу 1592 г. ввиду задержания Ибрагим Ази и Ямгурчя-аталыка Гази-Гирей II отказался от отправления новых гонцов в Москву и санкционировал подготовку к нападениям «царевичей» на «московские укранны». Сам хан Крым покидать, видимо, не решался. Возникла угроза возобновления конфронтации, которая вылилась в крымские нападения на Русское государство в течение весны и лета 1592 года. Нападения затронули тульские, каширские и рязанские места. Наибольший урон московским «украинам» нанесли силы во главе калгой Фетх-Гиреем. Особую опасность для Русского государства заключалась в том, что основные военные силы были стянуты к северо-западным рубежам, где шли активные военные действия против Швеции и на южных рубежах практически не было «ратных людей»⁶. В историографии присутствует различная мотивация нападений. Отечественные историки, начиная с С.М.Соловьева, склонны усматривать в них «реванш» хана за провал похода 1591 года и связывают их с русско-крымскими противоречиями (Соловьев, 1989, с. 257). Наоборот, французские ориенталисты А.Беннигсен и Ш.Лемерсье-Келькеже полагают, что «Нападая на Московию, Гази-Гирей действовал в интересах Османской Порты, а не в своих собственных, в отличие от своего отца Девлет-Гирея, в 1571 г. пытавшегося восстановить власть Чингисидов в Казани и Астрахани» (Беннигсен, Лемерсье-Келькеже, 2009, с. 246–247). А.Беннигсен и Ш.Лемерсье-Келькеже полагают, что «главной причиной было возведение русских крепостей на Северном Кавказе (Там же, с. 246). Интересно, что в Москве в ходе миссии Ибрагима Ази и Ямгурчя-аталыка вопрос о русском присутствии на Кавказе крымской стороной практически не затрагивался, но зато в ходе миссии Протопопова, как мы увидим, встал «во весь рост». Есть все основания предполагать, что Порта обозначила эту проблему перед Гази-Гиреем II зимой 1591–1592 гг. В целом, на наш взгляд, личные интересы хана совпадали в тот момент с интересами Пор-

⁶ А.А.Новосельский обратил внимание на это обстоятельство: «московская Украина в то время оказалась беззащитной, ратных людей по городам не было» (Новосельский, 1948, с. 433).

ты и разделялись политической элитой Крыма. Затягивание русской стороной отпуска прибывших еще осенью крымских гонцов давала лишний повод для санкционирования ханом нападения.

В результате миссия М.Протопопова началась с вполне предсказуемой ситуации, характерной для русско-крымских «ссылок» – встречи русского гонца с силами крымской орды, направлявшимися на Русское государство. В апреле М.Протопопов и крымские гонцы прибыли в «Арсланаев улус» (РГАДА. Ф. 123 Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 269 об.). Там, после появления первых слухов о сосредоточении орды, Ямгурчей-аталык отправился к Арсланаю «Дивееву». Иссей с Протопоповым продолжили следование в Крым (Там же, л. 270). Через несколько дней (19 апреля) гонцы встретились с силами орды, возглавляемой калгой Фетх-Гиреем и нураддином Бахты-Гиреем (Там же, л. 271). Русский гонец безуспешно попытался склонить Иссея к содействию в предъявлении требований «царевичам» остановить поход (Там же, л. 271 об.). Фетх-Гирей вызвал русского гонца на аудиенцию (Там же, л. 272). Перед аудиенцией у Протопопова «в лучших традициях» были «силоу» изъяты, предназначавшиеся калге «поминки» (Там же, л. 272 об.). Во время аудиенции Протопопов столкнулся с категорическим отказом калги «воротится в Крым». Фетх-Гирей объявил, что поводом для похода явились слухи о том, что Ямгурчей-аталык и Ибрагим Ази в Москве «потравлены медведями», а бек Иссей и Аллабердей-мурза казнены. Впрочем, калга объявил, что «поворотится» в случае «указа Казы-Кирея царя» (Там же, л. 273–273 об.). Значительно серьезней для мотивации похода были как бы мимоходом сообщенные калгой сведения о поступивших в Крым «вестях из Азова», касающихся крупных нападений донских казаков на владения Порты (Там же, л. 274)⁷. Протопопову стало ясно, что остановить поход невозможно. Фетх-Гирей, впрочем, гонца отпустил. Напоследок «ближние люди» калги выразили возмущение по поводу малого количества «поминков» (Там же, л. 274 об.). Кстати, «поминки», адресованные Бахты-Гирею, были также изъяты его людьми.

20 апреля Протопопов двинулся дальше в Крым (Там же, л. 275). Встречавшие его у Перекопа «царевы приставы» по традиции тщательно переписали всех «толмачей и людей» гонца (Там же, л. 275 об.). Общая обстановка казалась благоприятной, хотя Протопопова и его людей тщательно охраняли. 25 апреля при подходе к Бахчисараю Протопопова встретили ханские эмиссары Зейялага и Якуп-мурза, направленные «к калге Фети-Кирею царевичу да к нураддину Бахты-Кирею царевичу» с целью «их воротити со всеми людьми в Крым». Протопопова информировали о том, что Ямгурчей-аталык с московскими «тайными грамотами» благополучно прибыл к хану. Протопопов согласно «наказной памяти» ответил, что о грамотах «не ведает» (Там же, л. 276–276 об.). В тот же день гонец прибыл в Бахчисарай и был размещен в Яшловском предместье.

26 апреля уже на следующий день после приезда к гонцу явились беки Дербыш Кулюков и Ахмед-паша Яшлавский и начались переговоры (Там же, л. 276 об.–277). Оба влиятельных представителя крымских верхов заявили, что «царь чел тайную грамоту», доставленную Ямгурчеем-аталыком, и она ему «люба». Хан распорядился приостановить поход «царевичей». От русского гонца перед аудиенцией у хана требуется подтвердить, что содержание «официального» послание московского государя в целом соответствует «тайной грамоте» (Там же, л. 277–277 об.). Протопопов уклончиво ответил, что послан «з грамотой о добром деле» (Там же, л. 278).

30 апреля состоялась аудиенция у хана (Там же, л. 278 об.). Протопопов, вручив грамоты и «явив поминки», высказал протест против изъятия «поминков» Фетх-Гиреем и Бахты-Гиреем. Хан объявил, что дал распоряжение прекратить поход. Он также заявил, что уже «вычел» «тайные грамоты», доставленные Ямгурчеем-аталыком. Протопопова настораживала широкая огласка ханом «тайного дела». На самом деле Гази-Гирей II представил «тайное дело» своим «ближним людям» как требование «запросных денег» и отпуска «царицы» Ертуган. О планах неподчинения Порте в случае его смещения с престола знал только ограниченный круг лиц – скончавшийся к тому времени Моллакай Аллей-аталык, Ямгурчей-аталык, карача-бек мангытов Арсланай «Дивеев» и некоторые другие «ближние царевы люди» в неполной степени. Все это выяснилось в дальнейшем при проведении посольского съезда под Ливнами осенью 1593 года и при переговорах посольства князя М.А.Щербатова в Крыму весной 1594 года.

После аудиенции последовало пиршество – несчастный случай при прибытии московских гонцов. Гази-Гирей выпил чашу с медом за здоровье государя – невиданный случай в истории русско-крымских «ссылок» со времен Менгли-Гиря I (Там же, л. 279). На пиршестве присутствовал цвет «ближних царевых людей». После его завершения Муртоза-ага и Ахмед-паша Яшлавский, прово-

⁷ Через несколько месяцев, в июне, в Азове посланник Г.А.Нащокин в полной мере ощутил на себе последствия этих нападений с огромным трудом добившейся разрешения следования в Кафу от азовского паши Хусейна (Смирнов, 1946, с. 143).

жавшие гонца, объявили, что завтра, после того как хан «вычест» официальные грамоты от государя и «от Бориса Федоровича», начнутся основные переговоры (Там же, л. 279 об.).

На следующий день в Протопопову действительно прибыли «ближние царевы люди» – Муртоза-ага, беки Дербыш Кулюков Ахмед-паша Яшлавский и Заграп «Перекопский».

Переговоры сразу же сосредоточились на условиях проведения посольского съезда. Обе стороны сходились на том, что отпуск Ертуган и людей из состава «двора» Мурад-Гирея произойдет только во время его проведения. Дербыш Кулюков требовал подтверждения готовности отпуска своего сына. Протопопов в соответствии с инструкциями отвечал, что крымская эмиграция может вернуться в Крым только добровольно (Там же, л. 280–282).

В «лучших традициях» с «общеполитических» тем собеседники гонца быстро перешли на выяснение «животрепещущей» темы недостаточного количества присланного всем им «жалования». Протопопов заявил, что он прислан с «легким делом» и соответственно большого «жалования со мною не послано» (Там же, л. 282–284).

После этого «ближние царевы люди» вернулись к политическим вопросам. И здесь русский гонец столкнулся с жесткой позицией крымской стороны: «доброе дело» возможно только при отказе Москвы от поддержки донских казаков, нападающих на османские владения и от военно-политического влияния на Кавказе. Было в очередной раз озвучено требование Порты ликвидировать там русские крепости, «чтоб турецкого людям в черкасы дорога была» (Там же, л. 284). Протопопов напомнил, что является гонцом с «легким делом» и не имеет полномочий обсуждать такие «великие дела», но это не помогло. Тогда последовало жесткое заявление русского гонца о том, что «на Тереке у государя стоят города, а в них сидят воеводы а черкасские князья и все горские и кабардинские князья и мурзы государю служат» (Там же, л. 284 об.). Предваряя возможные вопросы, Протопопов объявил, что «кабардинский большой Янсох князь с людьми своими ныне сам у государя нашего на Москве был». Государь Янсоха поставил «над кабардинскую землю большим князем» (Там же, л. 284 об–285)⁸. Казаки были охарактеризованы как «воры» и «беглые люди» за которых государь «не стоит» (Там же, л. 285). От дальнейшего изложения крымских требований после этих ответов «ближние царевы люди» воздержались и переговоры были прерваны. Последовала шестидневная пауза.

Крымцы от переговоров воздержались. Протопопов понял, что необходимо действовать самому. Он известил «ближних царевых людей» о своем желании возобновить переговоры.

8 мая переговоры возобновились. К четверем первоначальным участникам добавился Ахмед-ага – «восходящая звезда» ханского дивана, постепенно замещающий скончавшегося Моллакая Аллея-аталыка (Там же, л. 285 об.). Второй раунд переговоров происходил уже в более жестком формате. Протопопов подробно изложил московскую версию хода русско-крымских «ссылок» вплоть до похода Гази-Гирея (Там же, л. 286–289 об.). Им были в который уже раз повторены обвинения в «ссылках «хана с Яганом королем». Далее Протопопов подробно изложил «московскую версию» переговоров Ибрагима Ази и Ямгурчя-аталыка, опуская сюжеты связанные с «тайным делом» и подчеркивая сам факт приема крымских гонцов после «великих неправд Казы-Кирея царя» (Там же, л. 290–292). Затем последовала перебранка по поводу похода 1591 года, а заодно и о задержании И.Бибикова (Там же, л. 292–293 об.). Крымцы отрицали, что «царь с войны побежал». Подчеркивалось, что в конечном итоге И.Бибиков был отпущен. В общем, все свелось ко взаимным обвинениям и переговоры были прерваны. Замечательно, что ни о Мурад-Гирее, ни об отпуске его вдовы Ертуган и его приближенных вообще ничего не говорилось. О «тайном деле» не упоминалось. Протопопову ничего неизвестно было и у Ямгурчя-аталыке. Впоследствии в ходе его второй миссии в Москву в 1593 году выяснилось, что хан приказал ему на время покинуть Бахчисарай и укрыться в «Белгороде» (Ак-кермане).

Гази-Гирей II, таким образом, занял выжидательную позицию. Это было не случайно. Хан дожидался исхода переговоров своего посольства в Речи Посполитой и следил за возможными изменениями в позиции Порты в отношении Русского государства. Не забудем, что хану было прекрасно известно о следовании посланника Г.А.Нашокина из Азова через Кафу в Стамбул.

Наконец, Гази-Гирей II выжидал, какие последствия может иметь поход «царевичей». Осторожность хана была оправдана. В дальнейшем русская дипломатия и разведка установила, что в это время над ним в очередной раз нависла угроза смещения с престола Портой.

⁸ Речь шла о Янсохе Кайтукине ставшего «большим князем» Кабарды в 1589 г. и вначале 1592 года прибывшей в Москву (Кушева, 1963, с. 130, 282).

До августа Протопопов находился в изоляции. 12 августа к нему пожаловали беки Ахмед-паша Яшлавский и Иссей Кипчакский и «поинтересовались»: почему он «не просится к государю своему» (Там же, л. 294). Тем самым крымская сторона давала понять, что не видит смысла в переговорах. Протопопов достаточно жестко заявил, что ему необходим ясный ответ: согласна ли крымская сторона на проведение посольского съезда. Кроме того, он спросил о том, совершили ли «царевичи» нападение на «государеву землю» или повиновались приказу хана прекратить поход. Ханские эмиссары признали, что «царевичи не хотели поворотиться», и поход был совершен. Вместе с тем, они сообщили, что «царевичи» ко времени прибытия к ним ханских эмиссаров располагали сведениями о действиях русских сил на Кавказе против лояльных Крыму «черкасских князей». Все это в очередной раз связывалось с наличием русских крепостей на Кавказе. Подчеркивалась непреклонная в этом вопросе позиция Порты. Наконец Фетх-Гирей передал, что ему с Протопоповым было прислано мало «поминок» (Там же, л. 294–296). При этом Протопопову был неясен масштаб крымского нападения на московские «украины»: эту информацию «ближние царевы люди» ему не сообщали. Это было не случайно.

Нападение действительно состоялось на тульские, каширские и рязанские места (ПСРЛ, т. 14, ч. 1, с. 45). Эффект «набегового давления», казалось, был достигнут. Однако, как выяснил в дальнейшем М.Протопопов, успех набега оказался эфемерным, так как при возвращении «царевичи» потеряли часть полона из-за нападения «каневских черкасов» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 311). Мало того, нападением «каневских черкасов» подвергся и «Дивеев улус», причем именно в то время, когда «Арсланай князь был с царевичи на государевой украине» (Там же, л. 311 об.).

Сведения М.Протопопова дополняются донесениями русского посланника в Стамбул Г.А.Нащокина. В грамоте, доставленной в июле из под Азова в Москву, он сообщил, что нападением предводительствовал сам гетман – запорожский «князь Михайло Ружицкий со многими людьми». В крымских услугах им был взят полое «тысяч з десять». Нащокин сообщил, что «многие люди нагайские на зиму хотят перейти за Дон в Казыев улус» (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1 Ед. хр. 3. Л. 110).

Таким образом, выдвигание крымской орды к московским «украинам», как и ранее в 50 и 60-х гг., создало угрозу безопасности самого Крымского ханства. Между тем во время похода «царевичей» в Бахчисарай прибыл Сулейман чавуш с предписанием Порты организовать крупный поход на Кавказ «под Терек город» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 19. л. 311 об.–312)⁹. Именно этим и объяснялась жесткая позиция, занятая крымцами во время переговоров. Г.Нащокин, со своей стороны, сообщил, что только что вернувшимся «с государевой украины» царевичам было предписано Портой не распускать людей и быть наготове к походу (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 110 об.). Однако Гази-Гирей явно не желал втягиваться в затяжную кампанию на Кавказе, которое грозило разрывам с Москвой.

По поводу планов Порты в это время относительно сдерживания русского влияния на Кавказе в историографии высказываются разные точки зрения. Англо-саксонская историография в лице Кэрлайн Финкель определенно указывает, что в условиях «экспансии Московии на Кавказе» стало ясно, что «турки не могут относиться к этому региону с пренебрежением», но не приводит никаких доказательств о реальных планах Порты начать войну с «Московией» (Финкель, 2014, с. 239–240). А.Беннигсен и М.Бериндей отмечают, что «во время пребывания московского посольства в Стамбуле в 1592 году султан требовал от царя возвращения Казани и Астрахани, но в действительности накануне войны с Габсбургами это являлось лишь одним из ряда притязаний» (Беннигсен, Бериндей, 2009, с. 213). Несомненно, что Порта могла рассматривать возможность очередного повторения астраханской экспедиции или потребовать организации крупного похода хана на Кавказ. Но, по существу, кроме миссии Сулеймана-чавуша, мы не имеем достоверных свидетельств о планах Порты подтолкнуть Крым к конфронтации с Москвой. К тому же длительный конфликт с Москвой, как показал ход событий на протяжении сего XVI столетия, мог иметь благоприятную перспективу для Крыма только в условиях союзных отношений с Польско-Литовским государством.

Между тем переговоры с Речью Посполитой не принесли того успеха, на который рассчитывал хан. Ход «ссылки» Гази-Гирея II с Речью Посполитой стал известен М.Протопопову благодаря информации, полученной осенью 1592 года от бека Дербыша Кулюкова. В конце 1591 года хан послал гонца с требованием «упоминок». В начале 1592 года в Крым прибыло польско-литовское посольство Яна Бороновского «с большими поминками» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 312 об.). Главное требование заключалось в том, «чтобы царь Казы Кирей и царевичи на литовского

⁹ Автор не счел полностью целесообразным передавать подробную информацию о приезде Сулеймана чавуша из статейного списка Протопопова так она полностью приведена в труде Е.Н.Кушевой (Кушева, 1963, с. 280–281).

короля землю войною не ходили» (Там же). Во время переговоров с польско-литовским послом был вновь, в который уже раз, поднят вопрос о заключении крымско-польско-литовского договора. Весной 1592 года в Речь Посполитую было отправлено посольство во главе с беком Касимом Кулюковым братом Дербыша вместе с отпущенным польско-литовским посольством (Там же, л. 313). По сведениям коронных скарбовых книг, посольство было принято королем в Кракове в мае 1592 г. (AGAD, ASK-III, sign. 2. L. 151). Переговоры в Кракове не принесли успеха крымцам. В очередной раз неразрешимой проблемой стал вопрос о «литовских казаках». Посольство было задержано. В течении лета 1592 Гази-Гирей II неоднократно отправлял в Речь Посполитую гонцов с тем, чтобы «продвинуть» ход переговоров (Skorupa, 2004, s. 60). По сведениям Протопопова, осенью в Крым вернулся ханский гонец, который сообщил о провале переговоров. Посольство должно было быть отпущено без каких-либо реальных результатов (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 313). Отпуск действительно состоялся в декабре, после приезда очередных крымских гонцов. В коронных скарбовых книгах последнее упоминание о посольстве бека Касима относится к 15 декабря 1592 г. (AGAD, ASK-III, sign 2. L. 152 v.). Впоследствии в мае 1593 г. русскому посланнику С.Безобразову было сообщено, что «преж того царь посылал к королю Касыма князя для казны и король Касыму князю казны не дал, а его выслал ни с чем» (Статейный, 1892, с. 77). В современной польской историографии, в частности, в монографии Дариуша Скорупы, отмечено, что именно отказ Речи Посполитой в выплате упоминков за 1592 год явился главной причиной дальнейшей эскалации напряженности в отношениях с Крымом, что в дальнейшем в 1593 году вылилось в татарские нападения на Волынь и ответные нападения приднепровских казаков на крымские улусы, санкционированные центральной властью (Skorupa, 2004, s. 60). Гази-Гирей в этих условиях попытался активизировать контакты со Шведской короной, куда осенью 1592 года был отправлен очередной крымский гонец. Гази-Гирей зондировал почву для союзных отношений, просил «поминок» и, главное, обращался с просьбой к «Ягану королю» оказать давление на своего сына, «литовского короля», с тем, чтобы он отпустил задерживаемое крымское посольство (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 314 об.). В целом, Гази-Гирей склонялся к курсу на конфронтацию с Речью Посполитой. По сведениям Дербыша Кулюкова, осенью 1592 года на ханском диване обсуждался вопрос о нападении на Речь Посполитую: «хочет царь идти зимою на Днепр против литовского короля» (Там же, л. 313). Между тем еще летом Сулейман чавуш доставил хану предписание Порты воздерживаться от нападений на Речь Посполитую. По сведениям М.Протопопова, это было связано с успешным пребыванием в Стамбуле польского посольства, «которое привезло «от короля поминки многие» (Там же, л. 312). Гази-Гирей отправил в Стамбул своего эмиссара Магмет-челеби с просьбой санкционировать поход на Речь Посполитую (Там же). Независимо от Протопопова эти сведения одновременно сообщил и русский посланник в Стамбуле Г.Нащокин. Он также утверждал, что хан «послал к турецкому о том чтоб ему идти на Литву» (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 119 об.). В целом, к осени 1592 года Гази-Гирей явно склонялся к конфронтации с Речью Посполитой.

Осенью хан предпринял попытку нового дипломатического зондажа в Москве. Задержанный гонец М.Протопопов отпущался вместе с крымским гонцом Джан-пашой-мурзой. Отпуск Протопопова произошел неожиданно и нетрадиционно.

До октября Протопопов находился в изоляции. 9 октября он был неожиданно приглашен на ханскую охоту (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 296 об.). Его вывезли в «поле». По завершении охоты хан, выехав «от Ахмед-паши князя Сулешева с пиру», «случайно» ехал «мимо Михайлова шатра» и «вспомнил», что у него задержан гонец московского государя. Тогда он прислал к Протопопов «дворянина своего» Зинал-агу», который объявил ему об отпуске. Протопопов в ответ потребовал отпуска «прежним обычаем» (Там же, л. 296 об.–297).

Аудиенция состоялась только 31 октября (Там же, л. 297 об.). Протопопов заявил, что он ожидает ответа крымской стороны на предложение посольского съезда и поинтересовался причинами своего многомесячного задержания. При этом он в очередной раз напомнил о всех крымских «неправдах» при осуществлении «ссылок» за прошедшие годы (Там же, л. 298–298 об.). Хан начал говорить о нападениях донских казаков на османские владения. Протопопов заявил, что все это происходило уже после его прибытия в Крым, в очередной раз что нападения совершают «воры», и «государь за тех воров не стоит» (Там же, л. 299). В ответ Гази-Гирей заявил, что для «доброего дела» в Москву отправляется очередной гонец «Ян-паша-мурза Амашалуков» для решение вопроса об отпуске «Ертуган царицы и царевичевых людей» (Там же, л. 299–299 об.). Хан также напомнил о задержании в Москве Аллабердея-мурзы. Гази-Гирей выразил уверенность в установлении «дружбы и братства» (Там же, л. 299 об.–300). Затем последовал пир (Там же, л. 300).

Пиршество ознаменовалось «новыми инициативами» со стороны хана. Выпив чашу меда «за государево здоровье», он подозвал к себе Протопопова и долго рассказывал о готовящимся походе

против «литовского короля». Затем выпившего еще несколько чаш хана «понесло»: он начал вспоминать, как сам он «под Москвою был», и заявил, что может одновременно воевать и московские, и литовские «украины», доказательством чему является успешный поход «царевичей» этого года. Протопопов заметил, что во время похода «царевичей» «государевых людей на украине собрания не было». Тогда Гази-Гирей вновь поведал, что хочет «с вашим государем любви и братства» (Там же, л. 300–301). По завершении пира гонец был пожалован «золотым платьем».

На следующий день Протопопова спешно выпроводили из Бахчисарая, но уже 4 ноября повезли обратно для встречи с «ближними царевыми людьми» (Там же, л. 301).

Последовали заключительные переговоры с Муртозой-агой, Дербышем Кулюковым и «князем Казы Тобулдеевым» (Там же, л. 301–303 об.). Намерения хана быть в «дружбе и любви» были конкретизированы: перед посольским разменом и съездом русская сторона должна была отпустить Джан-пашу-мурзу и задержанных «старых» крымских гонцов во главе с Аллабердеем-мурзой. Джан-паша-мурза должен был доставить «запросные деньги» в количестве, определенном в послании хана на имя московского государя. (Там же, л. 302–302 об.). М.Протопопов четко заявил, что в случае очередного крымского нападения в период пребывания Джан-паши-мурзы в Русском государстве, он будет задержан (Там же, л. 303–303 об.). После отбытия «ближних царевых людей» к Протопопову неожиданно явился Муртоза-ага, глава клана «черкасских мурз», заявивший о своих претензиях на «амиатство» и заверившего гонца, что он лично «будет наводить царя и царевичей на доброе дело» (Там же, л. 304). Активность этого «старого холопа» четырех крымских ханов благополучно пережившего все годы «ссоры великой в Крымском юрте» сама по себе была весьма показательна.

14 ноября Протопопова принял калга Фетх-Гирей, в целом повторившей позицию хана. Калга также требовал присылки «запасных денег» со своим гонцом, отправленным вместе с Джан-пашой-мурзой (Там же, л. 305). Только после этого Протопопов смог покинуть Бахчисарай.

Отпуск Протопопова происходил в условиях подготовки хана к походу «на литовского короля». В Перекопе Протопопов был принят беком Заграпом «князем Перекопским», который посоветовал ему «беречься от литовских казаков» (Там же, л. 310 об.).

Итак, миссия Протопопова не привела к «прорыву» в русско-крымских отношениях. Однако она не ознаменовалась и полным провалом.

Ко времени возвращения Протопопова русское правительство уже представляло развитие ситуации в Крыму, а также в «Дивеевом» и «Казыевом» улусах в контексте политики Порты. В июне, июле и в августе в Москву доставлялись донесения от Г.Нащокина, отправляемые с пути к Азову, а затем непосредственно из Азова. Последние донесения, уже из Кафы, были доставлены в ноябре с отпущенным М.Протопоповым¹⁰. Сведения, собранные Г.Нащокиным, свидетельствовали, прежде всего, о неустойчивом положении Гази-Гирея II на престоле. В доставленном в июле донесении Г.Нащокин сообщил, что Мубрак-Гирей прибыл в Стамбул и «бил челом чтоб брату его Алп-Кирею царевичу (султан) велел бытии в Крыме царем а ему калгою» (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 110 об.). В доставленной в грамоте августе Г.Нащокин сообщил, что в Стамбуле находится и Алп-Гирей и вопрос о его воцарении с назначением Мубарак-Гирея калгой фактически решен: «и крымский Казы-Кирей царь от них добре боится» (Там же, л. 116). Однако осенью положение изменилось. В отправленном в октябре донесении Г.Нащокин сообщил, что Мубарак-Гирей отпущен из Стамбула в «город Колев» и ему велено Портой «помирится с братом» (Там же, л. 119 об.). Нащокин сообщил также, что Порта предполагает назначение Мубарак-Гирея калгой вместо Фетх-Гирея. Последнего планируется переместить на должность нураддина вместо Бахты-Гирея. Таким образом, Порта отказалась от смены хана. Нащокину в Азове удалось выяснить и планы Гази-Гирея. В доставленной в августе грамоте Г.Нащокин утверждал, что в случае водворения в Крыму, Алп-Гирея хан планирует «кочевати за Дон в Казыев улус а с ним Араслан князь Дивеев и иные ногайские мурзы Казыева улуса которые в Крыме». Отходу подданных Арсланая будет, по мнению Г.Нащокина, способствовать то обстоятельство, что «Дивеев улус» сильно страдает от нападений приднепровских казаков – «им с Днепра от черкасов теснота великая» (Там же, л. 116 об.).

Таким образом, Нащокин в очередной раз подтвердил возможность нового витка «ссоры великой в Крымском юрте».

В этих условиях Борис Федорович Годунов по-прежнему не был склонен к поспешным действиям в отношении Крыма. Предстояла новая фаза дипломатической игры.

¹⁰ К сожалению, донесения обеих русских дипломатов не позволяют установить, каким образом они координировали свои действия в период пребывания Г.Нащокина в Кафе осенью 1592 года.

13 января в Москву вернулся Михаил Протопопов (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 269). В соответствии с данным ему приказом ливенский воевода И.М.Бутурлин по прибытии в Ливны немедленно отправил его к Москве. Прибывшие вместе с Протопоповым в Ливны 7 января крымские гонцы во главе с Джан-пашой-мурзой были отправлены в Болхов и далее в Калугу. 17 января туда были отправлены приставы (Там же, л. 315). Крымцев предписано было спешно везти в Москву.

Миссия Джан-паши мурзы в Москве (январь-март 1593 г.)

В ходе миссии Джан-паши-мурзы в Москве в январе-марте 1593 года была в очередной раз подтверждена принципиальная договоренность о проведении посольского съезда. Однако конкретные шаги в этом направлении по-прежнему не были определены. Позиция крымской стороны была изложена в объемном «официальном» послании Гази-Гирея государю Федору Ивановичу (Там же, л. 324. об.–330 об.). После трафаретного изложения «крымской версии» дипломатических связей за последние годы хан вновь обусловил проведение посольского съезда и размена предварительным отпуском Аллабердея-мурзы. Кроме того, содержались политические требования: принятие мер по недопущению нападений донских казаков на владения «хандыкерева величества» и неких казаков «из украинских городов» на крымские улусы. Именно этими нападениями хан объяснял весенний поход калги Фетх-Гирея на «московские украинны» (Там же, л. 329–330). В случае повторения этих нападений Гази-Гирей вновь пошлет «царевичей» на «московские украинны». Такая же мотивация содержалась и в ханском послании Б.Ф.Годунову. В нем хан давал понять, что «запросные деньги» необходимы ему на удержание престола, однако в отличие от «тайных посланий», эта тема была обозначена только «пунктирно» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 194 об.).

Таким образом Гази-Гирей II недвусмысленно дал понять в своих посланиях в Москву, что в случае отказа русской стороны на посольский размен, последуют нападение на Русское государство.

Персональные просьбы относительно отпуска отдельных лиц, а также просьбы материального характера со стороны хана содержались в шести «запросных посланиях» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 330 об.–337 об.). Первое было посвящено отпуску отдельных лиц из состава «двора» Муррад-Гирея, второе – Ибрагим-паши-мурзы Яшлавского, третье – «Магмет-Пашая-мурзы Куликова». Четвертое и шестое послание содержали просьбы о выделении «жалования в поминках» ряду лиц, в том числе братьям умершего Моллакая Аллея-аталыка. Наконец, пятое послание было посвящено урегулированию торговых дел бывшего гонца бека Иссея Кипчакского.

При приезде Джан-паши-мурзы в посольские книги вопреки обыкновенной практике были внесены послания от восьми «ближних царевых людей» – ведущих членов ханского дивана в следующей последовательности: от бека Кутлу-Гирея Ширинского (Там же, л. 343 об.–344), от бека Арслана «Дивеева» (Там же, л. 344–345), от бека Ахмеда-паши Яшлавского (Там же, л. 345–348 об.), от бека Дербыша Кулюкова (Там же, л. 348 об.–352 об.) от Муртозы-аги (Там же, л. 352 об.–354), от Абдул Ази Челеби (Там же, л. 354–355), от бека Заграпа «Перекопского» (Там же, л. 355–356) и от Ахмеда-аги (Там же, л. 356–357 об.). Интересно, что в списках крымских гонцов при получении ими «корма» посланцы «ближних царевых людей» распределялись в такой последовательности – шестым при перечислении гонцов значился гонец Кутлу-Гирея Ширинского (Там же, л. 317 об.), затем, после перечисления гонцов от жен калги и младших «царевичей» Гиреев, шли гонцы от Ахмеда-паши Яшлавского, Арслана «Дивеева», Дербыша Кулюкова, Муртозы-аги, Ахмеда-аги, Абдул Ази челеби и, наконец, бека Заграпа «Перекопского» – соответственно восемнадцатыми-двадцать четвертыми по счету из общего количества тридцати двух гонцов (Там же, л. 318–318 об.).

Послания «ближних царевых людей», претендующих на «амиатство», на имя государя Федора Ивановича беков Ахмед-паши Яшлавского, Дербыша Кулюкова и Муртозы-аги при общем трафаретном изложении позиции хана в отношении посольского размена носили на этот раз несколько необычный характер. И Ахмед-паша Яшлавский, и Дербыш Кулюков, и Муртоза-ага намекали, что они в курсе «тайного дела» – переговоров в Москве Ямгурчей-аталыка и содержания доставленных им «тайных грамот». При этом Дербыш Кулюков даже утверждал, что Ямгурчей аталык лично ему рассказывал о том, как он сожалеет, что из за непростой ситуации в ханской «думе» Гази-Гирей не может вновь отправить его в Москву (Там же, л. 352). Все три «ближних царевых человека» приписывали себе содействие в отпуске М.Протопопова, при чем утверждали, что сам он может «рассказать» об этом. Все трое стремились стать разменными послами при проведении съезда. При этом Ахмед-паша напоминал об «амиатстве» своего рода. «Ближние царевы люди» вновь, в очередной раз, пытались решить в Москве свои семейные проблемы: Ахмед-паша хлопотал об отпуске своего брата Ибрагим-паши-мурзы, Дербыш Кулюков – своего сына Пашая-мурзу. Только послание Кутлу-Гирея

Ширинского, явно отстраненного от дел, носило чисто формальный характер. В посланиях Б.Ф.Годунову московские «доброходы» беки Ахмед-паша Яшлавский и Дербыш Кулюков помимо всего прочего дружно просили Бориса Федоровича приказать «расспросить» своих гонцов для получения ценной информации. Послания от вельмож Борису Федоровичу вообще содержали весьма интересные сведения. Например, бек Дербыш Кулюков утверждал, что хан советуется с ним и с Муртозой-агой и Ахмедом-пашой об установлении «дружбы и братства» с Москвой тайно «от думы». (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 203 об.). В целом, часть бахчисарайской политической элиты явно выступала за проведение посольского съезда, но при учете своих интересов.

13 февраля крымцам было предписано быть «на дворе» у государя (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 319 об.). Аудиенции предшествовали «расспросы» у Андрея Щелкалова. Они свелись к уверению крымских гонцов в том, что они присланы «с добрым делом» (Там же, л. 320 об.). Б.Ф.Годунов, ознакомившись с донесениями Протопопова, уже ясно представлял себе ситуацию.

После «расспросов» гонцы были приняты государем. Аудиенция была обставлена торжественно, но по существу ничего не давала крымцам. Гонцы «правили поклон» от имени хана, калги и нураддина (Там же, л. 321 об.). Государь спрашивал о «здоровье» своего «брата Казы-Кирея царя» (Там же, л. 322). Непосредственно во время аудиенции гонцы были пожалованы шубами (Там же, л. 324). Джан-паша-мурза в своей «речи» изложил главное требование крымской стороны – предварительный отпуск крымских гонцов во главе с Аллабердеем-мурзой и Ибрагим-паши-мурзы, как условие посольского размена. Затем последовала длительная пауза.

Только 22 марта последовал «приговор» (Там же, л. 365–366 об.). Вновь прибывшие крымские гонцы отпускались. Отпускался также Ибрагим Ази. Аллабердей-мурза вновь задерживался. В Крым отправлялся посланник Семен Безобразов. Требование об отпуске задерживаемых крымских гонцов отклонялось.

Отпускная аудиенция состоялась 25 марта (Там же, л. 365 об.). На ней присутствовали три «главных гонца»: Аллабердей-мурза, Ибрагим Ази и Джан-паша-мурза.

Объемная «речь» А.Я.Щелкалова, наконец, содержала конкретные предложения относительно проведения посольского съезда (Там же, л. 367–369). Посольский дьяк в очередной раз напомнил многочисленные ханские «неправды». Однако затем А.Я.Щелкалов четко изложил условия русской стороны: никаких уступок до принятия на себя ханом предварительных обязательств, оформленных принесением шерти разменного посла на посольском съезде. Условия проведения посольского съезда должны быть обговорены С.Безобразовым. Крымцам был предъявлен посол князь Меркурий Александрович Щербатов.

7 апреля Семен Безобразов и отпущенные крымцы выехали из Москвы (Там же, л. 369 об.).

Таким образом, ситуация подошла к критической черте. Обеим сторонам требовались гарантии. Все зависело теперь от исхода миссии С.Безобразова.

Миссия Семена Безобразова в Крыму (апрель-сентябрь 1593 г.)

Решение о проведении посольского съезда было действительно принято ханом в ходе миссии в Крым посланника С.Безобразова, прибывшего туда в апреле 1593 года.

Однако данное решение не было следствием переговоров Гази-Гирея с самим русским посланником, не имевшего полномочий на обсуждение «тайного дела». Данные Безобразову инструкции были ориентированы на официальные переговоры без всякого упоминания о «тайном деле». Правда, наряду с официальной «наказной памятью» (Там же, л. 399 об.–438). С.Безобразову был дан «тайный наказ» (Там же, л. 438 об.–451), но в нем содержались преимущественно задачи разведывательного характера и порядок неофициального распределения денежных средств вне официальных «поминок».

Безобразову были даны денежные средства в размере «тысячи золотых» (Там же, л. 448), которые должны были им переданы хану, калге Фетх-Гирею и нураддину Бахты-Гирею в случае совершения ими похода на Речь Посполитую. Хану предназначалось 7000 золотых, калге – 200, нураддину – 100. Эти средства не подходили ни под одну классификацию отсылаемых в Крым денежных средств и по существу являлись «откупными». Среди знати материальные средства не распределялись. «Жалование» ведущим «ближним царевым людям» должно было быть прислано после посольского размена. Основные положения «тайного наказа» сводились к выяснению военного потенциала крымской орды, главным образом, «Дивеева улуса» (Там же, л. 446). Предполагалась «индивидуальная работа» с ведущими «ближними царевыми людьми» – Ахмед-пашой Яшлавским и Дербышем Кулюковым в плане соблюдения их интересов при проведении посольского размена. Особое внимание уделялось «работе» с Ахмед-пашой, которому обещалось фактическое наследст-

венное «амиатство» при условии проведения посольского съезда. Это являлось и содержанием грамоты к Ахмеду-паше от имени государя (Там же, л. 383 об.–387 об.). Однако, одновременно Москва давала авансы и беку Дербышу Куликову, которому также было отправлено послание от имени государя. Правда, главным ее содержанием являлось подробное объяснение невозможности отпуска его сына в Крым. Причина была весьма весомой: «князь» Дербыш извещался о женитьбе сына на дочери астраханского «царевича» Абдуллы» (Там же, л. 391 об.).

Задача добиться согласия на проведения посольского съезда являлось для Безобразова центральной, что отражалось в данных ему посольских «речах» (Там же, л. 403–405 об.). Основной упор при переговорах следовало сделать на согласие Москвы на отпуск Ертуган и «ближних царевичевых Мурат-Киреевских людей» (Там же, л. 425–425). Также отпуску подлежали знатные полоняники, главным из которых являлся Ибрагим-паша-мурза Яшлавский.

Все это подробно излагалось в грамоте Гази-Гирею II от имени царя Федора Иванович (Там же, л. 370–375). Там же говорилось об отпуске Ибрагима-паши-мурзы «Сулешева» и «Мурад-Киреевых людей» (Там же, л. 374 об.). Однако об отпуске самой Ертуган умалчивалось.

Предполагалось, что С.Безобразов будет отпущен с ханским гонцом с уведомлением о точном сроке прибытия к Ливнам крымского посольства. Оговаривалось, что посольство должен будет сопровождать «ближний великий человек» хана для проведения переговоров о «всяких делах» с «ближним человеком» московского государя. Фигура разменного посла с крымской стороны, желательного для Москвы в послании государя в отличии от ситуации 1590 года не обозначалась. Также не называлась лицо, которое должно было являться разменным послом с московской стороны. Напротив, указывалось, что послом непосредственно в Крым назначался князь Меркурий Александрович Щербатов. Оговаривалось, что в рамках посольского съезда и размена будут отпущены все задерживаемые крымские гонцы во главе с Аллабердее-мурзой (Там же, л. 373–374). Практически идентичным было содержание грамоты Гази-Гирею от имени Бориса Федоровича Годунова (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 206 об–215).

Наказная память Безобразову – и обычная, и «тайная» – содержала подробные инструкции на случай неблагоприятного для Москвы развития событий.

Русская сторона учитывала смену Гази-Гирея на престоле Алп-Гиреем. В этих условиях С.Безобразову надлежало по традиции вручить новому хану «поминки» и налаживать с ним дипломатические контакты (Там же, л. 433 об.–434).

Безобразов при переговорах должен был нарисовать картину усиления позиций русского государства на Кавказе (Там же, л. 429 об.), не вдаваясь в детали упомянуть о контактах с кахетинским царем Александром (Там же, л. 428 об.). Факт интенсивных дипломатических контактов Москвы с Сефевидами признавался, но не конкретизировался (Там же, л. 427 об–428). Следовало, в случае необходимости, сообщить о том, что Москва официально извещена польским королем Сигизмундом Вазой о кончине «отца его Ягайла свийского короля» (Там же, л. 427 об.).

В целом для успешного хода переговоров главным фактором в Москве считали осуществление ханом нападения на Речь Посполитую. В случае, если последует крымское нападение на Русское государство, Безобразову следовало объявить протест и указать, что это не «приведет к «установлению доброго дела» (Там же, л. 438 об–439)¹¹.

Ход миссии С.Безобразова достаточно полно отражен в его «статейном списке» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 227–259 об.), опубликованном Ф.Лашковым в 1892 г. в «Известиях Таврической ученой архивной комиссии» (Статейный, 1892, с. 76–94), а также в двух грамотах на имя государя, доставленных в июле и в октябре 1593 г. со служилыми татарами (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 4–12, 99 об.–110).

Безобразов выступил из Ливен 22 апреля 1593 г. (Статейный, 1892, с. 76; РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 227 об.). Следование его к Донцу – фактической границе крымских улусов уложилось в одиннадцать дней. Уже у Донца Безобразов узнал, что с ранней весны хан начал подготовку к крупному походу, предположительно «на московскую Украину»: «царю Крымскому однолично идти на государеву Украину и лошади велел кормить по всем улусам и выйти было ему в марте на Молоду, а в Литву не ходити» (Статейный, 1892, с. 76; РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 227 об–228). Крымская орда действительно сосредотачивалась в районе Молочных Вод. Эти сведения подтвердились, когда Безобразов прибыл «в Улусы на Еланберг». Безобразов немедленно

¹¹ В случае невозможности объявить протест хану или калге, С.Безобразову следовало обратиться к четырем «ближним царевым людям» – бекам Дербышу Кулюкову, Ахмед-паше Яшлавскому, Арслану «Ди-вееву» и к Ахмед-аге.

отправил в Ливны «болховских казаков Митю да Истому з грамотою» (Статейный, 1892, с. 76; РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 228).

9 мая последовали первые контакты с крымскими должностными лицами – посланный «от царя» «Усеин, что голова у капычей» передал посланнику жалование и расспрашивал о том «с каким делом» тот прибыл в Крым (Статейный, 1892, с. 76; РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 228 об.). Ситуация складывалась неоднозначно. Казалось, что решение Гази-Гирея идти в поход на Русское государство с силами, которые исчисляли в двести тысяч (явное преувеличение) принято окончательно. Мало того, поступала информация о том, что ханский поход должен обеспечить успех вновь подготавливаемой экспедиции османов к Астрахани. Эти информация была получена С.Безобразовым от донских казаков еще у Донца: «турский царь идет под Асттрохань ... и з зельем пришли, сказывают и з нарядом в Азов катарги в осень, а идти сказывают вверх Доном до Переволоки» (Статейный, 1892, с. 76; РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 228). Таким образом, Порты предваряла в жизнь традиционный план кампании, уже опробованный в 1569 г.

Однако 9 мая к Безобразову прибыл «человек» Ахмада-паши Яшлавского «князя Сулешова» и известил его, что окончательное решение относительно направления похода еще не принято. Дело в том, что хан дожидается прибытия польско-литовского посольства с «поминками», о чем его известил недавно прибывший королевский толмач (Статейный, 1892, с. 77; РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 229–229 об.).

11 мая на полпути к Молочным водам («на Карсаке») состоялись переговоры С.Безобразова с Ахмед-пашой Яшлавским. Безобразов подтвердил готовность немедленного проведения посольского съезда и размена, отпуск всех полоняников во главе с «Ибреим пашою» и эмигрантов – «Мурат-Киреевских людей» и «Дербышева сына с товарищи». Русская сторона подтверждает присылку наряду с «поминками» «запросных денег». Ахмед-паша сообщил, что в дополнение к этим условиям хан требует «сведения с Терека» казаков. Безобразов сообщил, что не имеет полномочий рассматривать вопрос о казаках, упомянув при этом, что он рассматривался в Стамбуле при переговорах Порты с Г.Нащокиным. «Неофициально» Ахмед-паша выразил свою личную заинтересованность в проведении посольского съезда, подчеркнув, что «в провожатых до Ливны идти мне Ахмет паше» и сообщил, что для предотвращения нападения следует немедленно обозначить количество «запросных денег», которые будут переданы под Ливнами. Безобразов вновь сообщил, что это не в рамках его полномочий (Статейный, 1892, с. 77–79; РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 230–234).

14 мая к Безобразову прибыл «черкашенин» Урыслем-ага с целью обеспечить следование Безобразова в Бахчисарай. Ханский эмиссар указал, что хан не будет принимать Безобразова до возвращения из похода однако хан идет «на литовского» (Статейный, 1892, с. 79; РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 234).

23 мая Безобразов уже в Бахчисарае узнал от очередного ханского эмиссара, что 18 мая хан «перелез» Днепр и пошел «на литовскую украину» (Статейный, 1892, с. 80; РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 237). Итак угроза нападения на Русское государство была отведена.

Безобразов оставался в Бахчисарае. В ожидании возвращения Гази-Гирея он тщательно собирал сведения о развитии ситуации. Прежде всего, с ним установил контакты внезапно объявившийся в Бахчисарае Ямгурчей аталык. Он сообщил о своей новой миссии в Москву.

Ямгурчей аталык прибыл к Безобразову 30 мая (Статейный, 1892, с. 81; РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 8 об., л. 238). Он сообщил, что находился при хане до его перехода через Днепр после чего ему велено было вернуться в Крым с тем, чтобы выехать в Москву. Таким образом, окончательное решение было принято ханом на пути к Днепру. Ямгурчей-аталык изложил цели своей миссии в Москву, повторив уже озвученные Ахмед-пашой Яшлавским условия проведения посольского съезда. Главное заключалось в повторении требования о «своде казаков с Терека» (Статейный, 1892, с. 81; РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 9 об., 239 об.). Ямгурчей четко заявил, что без формального выполнения этого требования возможен османский поход на Кавказ. Походу должно предшествовать смена Гази-Гирея на крымском престоле другим лицом. Конкретное лицо из числа пребывающих «под рукой у турского» Гиреев Ямгурчей-аталык не назвал. Ханский эмиссар сообщил, что все предложения «тайного дела» остаются в силе: в случае своего смещения с престола хан хочет «бытии з государем в братстве и в дружбе и в любви и стояти на турского за один и хотел Бакчисарай покинути да ставити город на Днепре выше порогов на Кошкиги (Кошкине) перевозе» (Статейный, 1892, с. 82; РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 10 об., л. 240 об.). Ямгурчей-аталык утверждал, что в ближайшем окружении хана, куда к этому времени он, несомненно, входил, сильны антиосманские настроения: «мы царю говорили чтоб он царя турского не слушал» (Статейный, 1892, с. 82; РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 241 об., 10 об.). Ямгурчей также

сообщил о том, что Г.Нащокин якобы задержан в Стамбуле Портой из за гнева «турского царя» «что казаки воруют» (Статейный, 1892, с. 82; РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 241). Эти сведения, впрочем, не подтвердились: через несколько дней Безобразов получил сведения о благополучном отпуске Нащокина из Стамбула. Ханский эмиссар также заявил, что решение хана повернуть «на литовского короля» было принято вопреки приказу Порты идти на «московские украины», что привело к недовольству части знати: «многие крымские люди от Днепра поворотились» (Статейный, 1892, с. 82; РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 241 об., л. 11). Еще более жесткой является позиция мурз Казыева улуса и прикочевавших на крымскую сторону «Больших Ногаев»: они твердо стоят за войну с Москвой.

Подобные настроения ногайских мурз разделялись Арсанаем «Дивеевым». Ямгурчей об этом прямо не говорил, но в дальнейшем Безобразову пришлось с ними столкнуться. Агрессивность ногайский мурз объяснялась крупноформатными нападениями донских казаков на Азов, сведения о которых постоянно получал в это время С.Безобразов.

Понятна была и причина недовольство Порты походом хана на Речь Посполитую. Безобразову в дальнейшем непрерывно поступали сведения о не слишком удачно развивающейся для османов войны «в Можарах». Порта опасалась, что крымские нападения приведут к активизации прогабсбургско настроенной части политической элиты Речи Посполитой и, в конечном итоге, ее присоединению к антиосманской коалиции¹².

Ямгурчей-аталык четко указал, что хан согласится на посольский обмен только при условии отпуска Ертуган и всей крымской эмиграции.

Итак, Гази-Гирей II, по существу, приняв, предложения Москвы, со своей стороны, вполне предсказуемо требовал гарантий отпуска Ертуган. Его личным эмиссаром, имевшим также статус официального гонца, вновь становился Ямгурчей-аталык. Показательно, что по существу вопрос был решен ханом даже без официального приема Безобразова. Ход его дальнейшей миссии зависел от исхода переговоров Ямгурчей-аталыка. Все должно было решиться в Москве.

Гази-Гирей был «в походе в литовской земле» полтора месяца (Там же, л. 112). В конце мая он был уже в Бахчисарае, но аудиенции русский посланник ждал две недели (Там же, л. 112 об.).

4 июля Безобразов был принят ханом (Статейный, 1892, с. 84; РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 244 об.). Аудиенция прошла без осложнений, однако хан четко заявил, что предполагаемый на Русское государство весной поход готовился «не украдом», а исходя из неприсылки гонцов к оговоренному сроку, о чем он заранее известил Москву со своим гонцом «Ян-пашою-мурзой». После аудиенции Безобразов был приглашен «к столу».

6 июля последовали переговоры. Они происходили в ханском дворце. Главную роль играл Ахмед-паша Яшлавский. Другими участниками являлись Муртоза-ага, бек Иссей Кипчакский, Усеин Капычей и «царевы писцы». Вопрос касался незначительного, впрочем как всегда, по мнению крымской стороны, количества присланных «поминок» (Статейный, 1892, с. 84–85; РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 245–248). Возникла очередная конфликтная ситуация.

13 июля произошел второй раунд переговоров. На этот раз наряду с Ахмедом-пашой Яшлавским и Муртозой-агой на первый план выдвинулись бек Касим Кулюков и Ахмед-ага. Переговоры вновь вылились в склоки из-за количества «материальных ценностей». На этот раз речь шла о принопамятных «запросных деньгах». Безобразов четко заявил, что «о том будет договор на Ливнах, а со мною о том указу нет» (Статейный, 1892, с. 86–87; РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 250 об–251 об.). После очередной перебранки «ближние царевы люди» отправились к хану. Через несколько часов к Безобразову явился Ахмед-паша с «Казы князем» и Янтемиром Черкашенином, которые объявили ему: «царь велел ехать к Москве и велит тебе к себе быть вскоре». Там же Безобразову было также предписано отпустить «перед себя» своего «ближнего человека» (Статейный, 1892, с. 87; РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 252).

Тем не менее, С.Безобразов не был уверен в благополучном исходе своей миссии. С 15 июля, когда к нему в очередной раз пожаловал Ахмед-паша Яшлавский, на этот раз с «ближними людьми» калги Фетх-Гирея по поводу его «поминок», до 11 августа, когда он призван на отпускную аудиенцию к хану, русский посланник находился в неведении относительно своего отпуски из Крыма. К тому же 19 июля он получил сведения о том, что хан якобы вновь собирается «на государя вашего украину» (Статейный, 1892, с. 88; РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 254). Ситуация разрешилась 11 августа отпускной аудиенцией С.Безобразова у хана. Ему было официально сообще-

¹² Это отмечается в современной польской историографии. Так, Д.Скорута прямо связывает поход Гази-Гирея II 1593 года с дальнейшей внутривосточной борьбой в Речи Посполитой по вопросу о присоединении к антигабсбургской коалиции, что проявилось уже на ближайшем сейме.

но, что его отпуск осуществляется в рамках посольского съезда и размена. Разменным послом назначается бек Ахмед-паша Яшлавский, послом в Москву – бек Имшмаметь Ширинский. С ними Безобразову надлежит покинуть Крым (Статейный, 1892, с. 88; РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 103–103 об., л. 254 об–255). 17 августа беки Ахмед-паша Яшлавский и Дербыш Кулюков прибыли к Безобразову, чтобы зачитать ему «грамоты, которые посылает царь к тебе государю». В очередной раз были обговорены условия проведения посольского съезда. Была озвучена испрашиваемая сумма запросных денег – 30 000 рублей (Статейный, 1892, с. 88–89; РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 104–104 об., л. 254–257). 18 августа состоялась аудиенция С.Безобразова у Фетх-Гирея. Калга требовал «поминоку» и позиционировал себя как второй по значению человек в «Крымском юрте» (Статейный, 1892, с. 89–90; РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 257–258 об.).

Отпуск посланника, несомненно, был связан с серьезными изменениями в политике Порты. Еще 17 июля Безобразов узнал о том, что «турский послал на Можары Синан-пашу, а с ним девяноста две тысячи турецких людей, а к царю турецкий чеуша послал сухим путем и Казы Кирей царь ждет от турецкого чауша, а хочет послати к турецкому на помоч царевича на Можары, а сам хочет однозначно идти по синему льду на Литовского» (Статейный, 1892, с. 88; РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 253 об.). 25 августа Безобразов получил еще более интересную информацию: в Крым прибыл Осман чавуш. Его якобы «прислал турецкий чтоб царь на Можары шел». Информаторы Безобразова утверждали, что сам Гази-Гирей в Венгрию не отправится, а посылает туда калгу Фетх-Гирея с 30-тысячным войском (Там же, л. 109). Затем Безобразов получил информацию о неудачном ходе военной кампании османов против австрийских Габсбургов (Там же, л. 109 об.).

Действительно, 20 июля 1593 года состоялся отпуск послания хану от великого везира Синан Паши с уведомлением о начавшейся войне с австрийскими Габсбургами. Оно было рассмотрено на ханском диване, после чего последовал ответ Гази-Гирея II о его безусловном подчинении решению Порты. Подробно рассматривающая оба документа (BBA MD /71. Nr. 571. BBA MD /71. Nr. 216)¹³. М.Иванич правомерно подчеркивает, что именно тогда обозначилось долговременное вовлечение Крыма в «долгую» войну османов с австрийскими Габсбургами, хотя формально фирман Порты о подготовки крымского войско к походу был прислан в Крым только в декабре 1593 г. (Ivanics, 1994, s. 63). Иванич не приводит имени, доставившего в Бахчисарай послания чавуша, возможно, речь идет именно о Османе-чавуше.

Пребывание С.Безобразова затянулось до конца сентября. Только после получения известий от Ямгурчей-аталыка об успешном исходе его переговоров с Б.Ф.Годуновым крымское посольство вместе с С.Безобразовым покинуло Крым. В целом, можно утверждать, что С.Безобразов выполнил стоявшую перед ним задачу уже в мае, до официального «исправления» посольства.

Вторая миссия Ямгурчей-аталыка в Москве (июль-октябрь 1593 г.)

Ямгурчей-аталык прибыл в Москву в июле 1593 г. и находился там вплоть до отбытия к месту проведения посольского съезда под Ливнами.

Подробное изложение хода его миссии частично выходит за хронологические рамки настоящего исследования, так как начиная с октября, она неразрывна связана с непосредственной подготовкой обеих сторон к посольскому съезду.

Окончательное решение о его проведении было достигнуто в Москве в ходе личных переговоров Ямгурчей-аталыка с Б.Ф.Годуновым. Посольский съезд должен был сопровождаться отпуском в Крым вдовы Мурад-Гирея. В сентябре 1593 г. царь Федор Иванович своей грамотой официально известил, находящуюся в Нижнем Новгороде «царицу» Ертуган о ее отпуске в Крым (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 80 об.–83).

Тем не менее, вплоть до начала октября 1593 года проведение посольского съезда оставалось под вопросом, что было связано со сложной внутривнутриполитической обстановкой в Крыму, выразившейся в противостоянии различных кланов.

Фактический ход событий, связанный с миссией Ямгурчей-аталыка, развивался следующим образом. Крымский эмиссар прибыл в Ливны во главе крымских девяноста гонцов и двух служилых татар, посланных С.Безобразовым с его донесением о ходе его миссии (Там же, л. 3). Грамота С.Безобразова от имени государя была немедленно отправлена в Москву. Ямгурчей-аталыка было предписано немедленно вести к Москве с главными гонцами, прочие «расосредотачивались» в Калуге и Боровске.

Ямгурчей-аталык прибыл в Москву 20 июля и был размещен на крымском дворе «с прежними гонцы с Аллабердеем-мурзою с товарищи» (Там же, л. 17 об.). 31 июля Ямгурчей-аталык и Алла-

¹³ Ссылки на архивные фонды взяты автором у М.Иванич (Ivanics, 1994, s. 62–63).

бердей-мурза были вызваны в Кремль для проведения аудиенции (Там же, л. 18), которой предшествовал многочасовой «расспрос» Ямгурчей-аталыка А.Я.Щелкаловым. Ямгурчей-аталык достаточно жестко изложил позицию хана. Она заключалась в следующем:

– «турский салтан» озабочен усилением позиции Москвы на Кавказе в связи с чем «писал ко царю» с требованием совершить нападение на «московские украинь»;

– «царь» отказался от выполнения приказа Порты и пошел на «литовского» после прибытия С.Безобразова;

– «царь» готов совершить посольский размен при условии отправления ему тридцати тысяч запросных денег, отпуска Ертуган и всех «людей которые с Мурат-Киреем царевичем приехали», а также Ибрагим-паши-мурзы Яшлавского (Там же, л. 19–20).

В ответ А.Я.Щелкалов указал, что проблемы отношений Москвы с «черкасскими и горскими князьями», постройки городка на Тереке и вообще всего относящегося к Кавказу является предметом отношений «государя нашего с турецким салтаном» (Там же, л. 20–21 об.). Ямгурчей-аталык напомнил о «тайном деле» – «царь хочет отстать от турецкого» (Там же, л. 21 об.–22). А.Я.Щелкалов усомнился в намерениях хана (Там же, л. 22–22 об.). Тогда Ямгурчей-аталык напомнил, что Москва в «тайных грамотах» (тех самых, которые не были внесены в посольские книги) предложила хану «прислать к государю вашему сына своего Тохтамыш-Гирея царевича и по одному человеку от всех крымских «больших родов». Хан согласен рассмотреть это условие Москвы после проведения посольского съезда (Там же, л. 22–23). Ямгурчей-аталык заявил, что при его отправлении «мне царь шертовал на куране» подтверждая подлинность своих обещаний (Там же, л. 23 об.).

В завершении Ямгурчей-аталык сообщил о возможной смене хана. Наконец, он стал говорить о неизбежности похода османов на Кавказ и на Астрахань, причем в Кафе «у турецкого» якобы уже готов «наряд». Увлечшись, Ямгурчей-аталык поведал, что Порта замышляет вторжение непосредственно в пределы Русского государства (Там же, л. 24 об.–25). А.Я.Щелкалов, не вступая в дискуссию, сообщил, что известит обо всем государя.

Естественно, что речь Ямгурчей-аталыка на состоявшейся сразу же после встречи с А.Я.Щелкаловым аудиенции у царя Федора Ивановича содержала только просьбы об отпуске Ертуган и «Мурат-Киреевских царевичевых людей», среди которых особо был выделен «Дербышев княжий сын Пашай-мурза» (Там же, л. 26 об.–27). Аудиенция прошла традиционно с принятием официальных ханских посланий и явлением крымцами поминок.

Затем последовала традиционная долгая пауза. Она была связана с пребыванием в Москве персидского посла Хаджи Хосрова и с выяснением ситуации, связанной с движением из Азова османского эмиссара Резван-чавуша вместе с возвращавшимся Г.Нащокиным. Его донесения, доставленные из Азова 26 июля, как раз накануне приезда крымских гонцов (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 138 об.–156 об.), свидетельствовали о том, что военной активности османов в направлении Кавказа и Астрахани не предвидится.

С Ямгурчей-аталыком были доставлены послания от хана государю Федору Ивановичу (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 30 об.–35 об.) и Б.Ф.Годунову (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 234 об.–238). Последнее послание, при внесении которого в посольские книги писцами было оставлена пометка о том, что его «писал царь своею рукою» (Там же, л. 234) содержало ряд недвусмысленных угроз в случае, если посольский размен и съезд не будут сопровождаться отпуском Ертуган и крымской эмиграции и выделением «запросных денег», хан будет четко следовать официальной линии Порты в отношении Русского государства. В частности, Гази-Гирей II стремился представить поворот в политике Порты, действительно озабоченной усилением позиций Москвы на Кавказе как свершившейся факт: султан «со многою ратью и с нарядом хочет города имать и Москву воевать» (Там же, л. 235 об.) Борис Федорович прекрасно знал, что это блеф. Донесения Г.А.Нащокина ясно показывали, что в условиях разгорающейся войны с Габсбургами военная активность Порты в направлении Кавказа невозможна.

Определилась и позиция Сефевидов. Личная встреча Б.Ф.Годунова с персидским послом показала, что шах не намерен разрывать перемирие с Портой¹⁴. Вообще официально целью его посольства было восстановление дипломатических связей в полном объеме, так как в 1590 году Годунов при отпуске персидского посольства не отправил с ним московского посла. Неофициально речь шла о контактах персов с австрийскими Габсбургами. Отпускная аудиенция персидскому по-

¹⁴ Эта же информация была вскоре подтверждена в статейном списке С.Безобразова (Статейный, 1892, с. 79–80) и статейном списке Г.Нащокина. В дальнейшем Б.Ф.Годунов использовал эти сведения при переговорах с М.Варкочем.

слу была дана в конце августа, но он был оставлен в Москве в ожидании прибытия имперского посла М.Варкоча. О «крымском деле» Хосрова не информировали. Показательно, что еще в июне приставы, которые везли персидского посла в Москву из Нижнего Новгорода, получили указание подробно информировать его о том, как «в соединении» будут «стоять на турецкого заодин» московский царь и «римский цесарь» и о заключении перемирия с Речью Посполитой. Однако о «ссылках» с Крымом предписано было говорить кратко: «посол крымский Сеферев сын Сулешева и ныне у государя» (Памятники, 1890, с. 701). Вся информация ограничивалась констатацией пребывания гонца Аллабердея-мурзы Яшлавского. Московские дипломаты вообще стали не очень охотно обсуждать крымские сюжеты с персами после кончины в Астрахани Мурад-Гирея, с фигурой которого в отношениях с Сефевидами связывались определенные планы. Если персов о крымских делах можно было не информировать, то с османами дело обстояло по другому.

20 августа состоялся «приговор» о встрече следовавшего вместе с Нащокиным османского чавуша Резвана (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 168 об.). Следовало обратить особое внимание на меры безопасности. Донским атаманам в очередной раз были посланы грозные грамоты. До прибытия эмиссары Порты Борис Федорович планировал добиться определенности «в крымском деле».

Наконец, 28 августа последовали переговоры Ямгурчей-аталыка и Б.Ф.Годунова (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 54). Они шли в присутствии только переводчика Степана Степанова, что ясно показывало то доверие, которое оказывал ему Борис Федорович (Там же, л. 55). Присутствие Степанова, конечно, было связано и с его ролью во время первой миссии Ямгурчей-аталыка. Отметим главное. Ход русско-крымских «ссылок» выявил в 1591–1593 гг. нежелание обеих сторон открытой конфронтации. Крымская сторона в устной и в достаточно неопределенной форме еще осенью 1591 года высказала устами Ямгурчей-аталыка отказ от возобновления требований уступки Казани и Астрахани. Также были сняты обвинения русского правительства в гибели Мурад-Гирея. В ходе своей второй миссии Ямгурчей-аталык не только подтвердил эту позицию хана, но и заверил, что Гази-Гирей II в любом случае будет препятствовать нападениям на московские «украины». Борис Федорович Годунов в данном случае серьезно отнесся к этим заверениям, зная что крымское войско неизбежно будет брошена в Центральную Европу. В итоге, во время переговоров Б.Ф. Годунов дал личные гарантии выполнения поставленных ханом условий установления «мира и дружбы». Окончательные детали были уточнены в сентябре во время переговоров Ямгурчей-аталыка с А.Я.Щелкаловым.

Русская сторона согласилась не только на отпуск вдовы Мурад-Гирея, но и представителей крымской эмиграции в случае их согласия. Отпускались также знатные крымские пленники, оказавшиеся на территории Русского государства в ходе многочисленных катаклизмов в Дешт-и-Кипчаке 80-х гг., в том числе представители клана Яшлавских-«Сулешевых» (Ибрагим-паша-мурза). На посольском съезде должно было быть заключено предварительное соглашение.

Эта задача должна была быть решена «разменными послами», после чего должен был быть совершен посольский размен. Окончательный договор, устанавливающий «мир и дружбу», должен был заключен московским посольством в Бахчисарае и в дальнейшем ратифицирован в Москве.

Во время переговоров Ямгурчей-аталыка с Б.Ф.Годуновым им было подтверждено согласие на предоставление материальной и военной помощи в случае смещения хана с престола Портой. Это обязательство вновь было зафиксировано в «тайных грамотах» Гази-Гирею как от имени государя Федора Ивановича, так от Б.Ф.Годуновым, отправляемых с русскими послами. Однако точная сумма «запросных денег» Борисом Федоровичем названа не была. Мало того, он четко заявил, что испрашиваемую сумму «тридцать тысяч рублей «собрать нельзя» (Там же, л. 59 об.). Во время дальнейших переговоров была согласована кандидатура «разменного посла» с крымской стороны – им стал Ахмед-паша, бек Яшлавский («князь Сулешев»). С.Безобразову об этом было объявлено еще в августе (Там же, л. 103 об.). Однако Ямгурчей-аталык, связанный к этому времени личным соглашением с Ахмед-пашой Яшлавским, не скрывал, что другие крымские кланы могут потребовать своего участия в посольском съезде. В принципе Годунова это устраивало: ранее он сам устами А.Я.Щелкалова выдвигал такое предложение на переговорах с крымцами и писал об этом хану. Однако Борис Федорович не учел масштабов участия крымской знати в посольском съезде. Осенью стало ясно, что все ведущие крымские кланы действительно посылают на посольский съезд своих представителей. В Москве это стало известно в октябре, когда были получены донесения от Семена Безобразова. В посланной со служилым татаринном Бакчюррой грамоте Безобразов сообщил, что его будут сопровождать «двадцать человек князей, мурз и уланов» (Там же, л. 108 об.). Своих представителей послали все значительные кланы Крымского ханства. Так, Арсланай «Дивеев» послал своего младшего сына Сулеша-мурзу. Кроме того, уже к лету 1593 года выявилась тенденция отдельных крымских кланов перехватить инициативу в установлении контроля над московским направлением внешней политики

Крыма у клана Яшлавских и у Ямгурчей-аталыка. Это проявилось, прежде всего, в бурной деятельности бека Дербыша Кулюкова, который добился на ханском диване назначения гонцом в Москву с извещением об отправлении крымского посольства своего зятя бека Баубека Киятского (Там же, л. 103 об.). Наконец, обозначилась особая позиция клана Мансуров – «князей Дивеевых». Арсланай «Дивеев», под фактическим контролем которого находился сын Ертуган Девлет-Гирей, естественно, проявлял особую заинтересованность в отпуске «царицы». Арсланай поддержал назначение Ахмед-паши Яшлавского «разменным послом», но, как выяснилось в дальнейшем, замыслил опасную и для хана, и для Годунова интригу: задержание «царицы» в своем улусе на обратном пути в Крым с посольского размена. Сам факт проведения посольского съезда Арсланай «приветствовал». Между прочим, при следовании крымского посольства и отпущенного С.Безобразова через его улус он лично 5 октября прибыл к русскому посланнику. Перед этим он встретился с Ахмед-пашой. При встрече с Безобразовым Арсланай выразил надежду, что посольский размен завершится с успехом, многозначительно поведая о том, что «нынча то дело лежит на государе вашем» (Статейный, 1892, с. 90; РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 259).

Однако только позиции двух «главных фигур» Москвы и Бахчисарая – хана Гази-Гирея II и Б.Ф.Годунова – в конечном итоге предопределило успех «добраго дела». Позицию Б.Ф.Годунова безоговорочно поддержал А.Я.Щелкалов. Решение о проведении посольского съезда с принятием ханских условий было принято думой после доклада Б.Ф.Годунова царю Федору Ивановичу, подержанного А.Я.Щелкаловым.

«Приговор» думных чинов состоялся, вероятно, сразу же по завершению переговоров Ямгурчей-аталыка с Б.Ф.Годуновым. Точная дата «приговора» не была внесена в посольскую книгу.

Основные положения «приговора государя з бояры» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 63–64) заключались в следующем:

- в Крым отправляется посольство князя М.А.Щербатова;
- с посольством посылаются «поминки» Гиреям и «жалование» знати в размере «до четырех тысяч рублей или больше»;
- «по цареву запросу» в Крым посылаются десять тысяч рублей;
- с посольством в Крым отпускается «Ертуган царица» «царевичевы люди» в количестве тридцати трех человек;
- в Крым отпускается Ибрагим-паша мурза «Сулешев»;
- Ямгурчей аталык отпускается в Крым с извещением, чтобы «царь слал своих послов не мешкая а государевы послы на дороге».

Вопрос о «закладничестве» Гиреев и крымской знати, как условие проведения посольского съезда и размена, в «приговор» не вошел. Не был пока назначен и «разменный посол». Между прочим, при переговорах в Крыму с Семеном Безобразовым Ахмед-паша Яшлавский начал осторожный зондаж относительно того, чтобы с русской стороны «разменным послом» стал бы сам Борис Федорович Годунов (Там же, л. 106). Безобразов это предложение, естественно, проигнорировал.

Принципиальным являлся фактический отказ от рассмотрения озвученных крымской стороной османских требований относительно сноса Терского городка. Они содержались и в послании хана Б.Ф.Годунову с четким указанием мотивации позиции султана – «ныне из его города из Азова в Дербень людям его проходу нет» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 234) и из «речей», произнесенных Ямгурчеем-аталыком при его «расспросах» А.Я.Щелкаловым: «государь бы с Терки терских казаков свести велел и Терку город велел снести» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 20).

Эти требования, которые А.Беннигсен и Ш.Лемерсье-Келькеже определяют как «открытие пути Крым-Дербент и оставление Терека» (Беннигсен, Лемерсье-Келькеже, 2009 с. 247), безусловно, лежали не только в плоскости геополитических интересов Порты, но и отражали естественную обеспокоенность хана Гази-Гирея II усилением позиций Москвы на Кавказе.

Ни в посланиях хану от имени государя и Бориса Федоровича Годунова, ни в инструкциях всем русским гонцам, отправляемым в Крым после 1591 года, вопрос о русских крепостях на Кавказе не упоминался. Е.Н.Кушева совершенно справедливо отметила, что «шедшие из Константинополя угрозы снести Терский город и советы Казы-Гирея не раздражать султана отказом ни в какой степени не повлияли на кавказскую политику русского правительства в 1590-е годы» (Кушева, 1963, с. 281).

Фактическое исполнение «приговора» затянулось в связи с неопределенностью политического положения в Крыму, связанный с противоречиями между различными крымскими кланами и позицией Порты. Хотя Ямгурчей-аталык еще в августе отправил хану гонца с информацией о своих переговорах с Б.Ф.Годуновым, Москва не получала никаких известий о ходе дел в Крыму вплоть до начала октября. В этих условиях Ямгурчей-аталык был задержан в Москве. В начале сентября по-

следовали его новые переговоры с А.Я.Щелкаловым, на которых были выработаны дополнительные условия проведения посольского съезда и размена, в частности, предварительное приведение к шерти Ибрагим-паши-мурзы Яшлавского (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 64 об.–75). Одновременно с середины сентября подготавливался отпуск «царицы» Ертуган (Беляков, Виноградов, 2013, с. 48)¹⁵.

Между тем, общая дипломатическая ситуация складывалась для русского правительства весьма неординарно. С разных сторон к Москве двигались османский чавуш Резван вместе с отпущенным Г.А.Нащокиным и имперский посол Миколай Варкоч. В Москве оставалось и персидское посольство Хосрова. 7 сентября Резван-чавуш со свитой был уже на воронежском устье, откуда двинулся через Рязьк в Москву.

Наконец, 1 октября было получено важное известие от ливенского воеводы И.М.Бутурлина: прибывшие в Ливны выкупленные С.Безобразовом русские полоняники сообщили о том, что крымское посольство вышло из Перекопа, а следом за ними следуют крымские гонцы (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 89 об.). 4 октября из Ливен пришло сообщение о прибытии крымских гонцов во главе с беком Баубеком Киятским и служивого татарина Бакчюры с донесениями от С.Безобразова (Там же, л. 98 об.). Ему немедленно было приказано следовать в Москву. Доставленная Бакчюрой грамота от С.Безобразова на имя государя (Там же, л. 99 об.–110) и материалы подробного «расспроса» русского служивого татарина в Посольском приказе (Там же, л. 110–115 об.) показывали, что крымская сторона «запустила механизм» проведения посольского съезда и размена в полном объеме. Посольство «Ишмаметя князя Ширинского», сопровождаемое Ахмед-пашой Яшлавским с огромным эскортом «царевых людей» в три тысячи человек и многочисленными представителями крымских кланов со своими «улусными людьми» уже двигалось к Ливнам, куда оно должно было прибыть к двадцатым числам октября (Там же, л. 108–108 об.). После этого в Москве развернулась напряженная работа по подготовке к посольскому съезду. Его предполагалось осуществить за Ливнами, у реки Сосна.

Подготовка осуществлялась в исключительных обстоятельствах: 2 октября в Москву прибыл османский эмиссар Резван-чавуш. Доставленные им послания султана к царю Федору Ивановичу и к Борису Федоровичу Годунову наглядно показывали, что Порта не намерена мириться с наличием укрепленных пунктов Москвы на Кавказе (Смирнов, 1946, с. 150). При этом в посланиях содержалась недвусмысленная угроза дать приказ хану «воевать ваши земли». Однако Б.Ф.Годунова эти угрозы не смущали: он был уверен, что Порта не сможет заставить Гази-Гирея II вернуться к конфронтационному курсу в отношении с Москвой, о чем, помимо всего прочего, свидетельствовали и сведения, сообщенные вернувшимся Г.Нащокиным. На обратном пути из Стамбула в Кафе Г.Нащокин узнал о прибытии в Крым С.Безобразова и об отправлении в Москву Ямгурчя-аталыка. Информаторы посланника однозначно трактовали эти события, как поворот хана к миру «с тобою государем» (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 154 об.). Факт подготовки посольского съезда под Ливнами в этих условиях не только не скрывался от османского эмиссара при его переговорах с А.Я.Щелкаловым, но и всячески «выпячивался». Одновременно это позволяло дезориентировать османского дипломата. Не забудем, что 7 октября состоялись знаменитые переговоры Миколая Варкоча с Б.Ф.Годуновым¹⁶. На них, помимо всего прочего, имперский дипломат просил воспользоваться сложившейся в русско-крымских отношениях ситуацией для того, чтобы склонить Гази-Гирея II к отказу от участия в османской кампании в Венгрии.

Между тем подготовка к посольскому съезду под Ливнами шла своим ходом. В Москву были доставлены подлежащие отпуску крымские гонцы. Прошли последние переговоры в Посольском приказе с Ямгурчеем-аталыком и Аллабердеем-мурзой. Состоялась «очная ставка» крымских дипломатов с отказавшемся вернуться в Крым Пашаем-мурзой Кулюковым. Прошел торжественный отпуск Ибрагим-паши Яшлавского с приведением его к шерти. В двадцатых числах октября, после того как стало известно о приближении крымцев к реке Сосна, где должен был проходить посольский съезд и размен, русское посольство князя М.А.Щербатова из Калуги двинулась к Ливнам (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 349). Его сопровождали разменные послы – боярин князь Федор Иванович Хворостинин и бывший фаворит Ивана Грозного, знаменитый Богдан Яковлевич Бельский. Туда же из Москвы направлялась «царица» Ертуган с частью ее двора (Беляков, Виноградов,

¹⁵ «Приговор» об отправлении за «царицей» переводчика В.Степанова датирован 15 сентября (Там же, л. 75). Выехали В. Степанов и приставы 20 сентября (Там же, л. 77 об.). В октябре Ертуган была доставлена в Москву.

¹⁶ О миссии Варкоча в сентябре-октябре 1593 г. см.: Магилина, 2012, с. 107–113; Смирнов, 1946, т. 1, с. 151–152.

2013, с. 48–49). Последними покинули Москву Ямгурчей-аталык и Аллабердей-мурза с большой группой крымских гонцов и Ибрагимом-пашой-мурзой Яшлавским. Одновременно с начала октября шла глухая борьба крымских кланов за контроль над проведением посольского съезда. Ахмед-паша Яшлавский по пути к Ливнам слал в Москву гонцов с требованием не допустить прибытия туда до отпуска Ямгурчей-аталыка и Аллабердея посланника бека Баубека Киятского. Б.Ф.Годунов счел необходимым согласиться на эту просьбу и Баубек был отправлен из Ливен в Калугу¹⁷.

Итак в августе – сентябре 1593 года Москва приняла решение выполнить, хотя и не в полном объеме, условия, поставленные ханом Гази-Гиреем II для урегулирования русско-крымских отношений.

Решение обеих сторон было продиктовано в значительной степени изменениями в системе межгосударственных отношений в Центральной и Восточной Европе. Обозначилась неизбежность вовлечения Крыма в войну османов с австрийскими Габсбургами, что уменьшала возможности организации крымских нападений на «украины» Русского государства. Москва, убедившись в невозможности обеспечения безопасности южных областей от крымских нападений в условиях конфликта со Швецией, была заинтересована в закреплении сложившейся ситуации дипломатическим путем. Кроме того, Русское государство стремилось сохранить усилившиеся в предшествующий период свои позиции на Кавказе и обозначившееся восстановление протектората над Большой Ногайской Ордой для чего необходимо также достигнуть соглашения с Крымом. Позиция крымского хана также определялась сложившейся ситуацией в межгосударственных отношениях. Гази-Гирей II исходил из нереальности проведения конфронтационной политики в отношении Москвы в условиях разгорающейся войны в Центральной Европе, в которую могла быть втянута и Речь Посполитая. Необходимость соглашения с Москвой объяснялась для хана и внутривосточными причинами: Гази-Гирею II необходимо было выполнение Москвой требований возвращения Ертуган и его двора, что должно было окончательно «подвести черту» многолетнего пребывания Гиреев «под рукой» московского государя. Это решало не только многие проблемы династической ситуации Гиреев, но и его проблемы в отношениях с Портой.

Тем не менее, позиция Порты представляла особое беспокойство для хана Гази-Гирея II, что, несомненно, разделялось и Б.Ф.Годуновым. Порта могла в любой момент прибегнуть к очередной смене хана, что могло повлечь за собой для обеих сторон непредсказуемые последствия. К тому же опыт событий 1590–1591 гг., ознаменовавшихся двукратным срывом посольских съездов и разменов, не содействовал доверию сторон по отношению друг к другу. Поэтому вплоть до начала октября в Москве не были уверены в том, что посольский съезд действительно состоится. Между тем от самого факта поворота Русского государства к «доброму делу» с крымским ханом прямо или косвенно зависел ход переговоров в Москве с османским чавушем и имперским послом.

В конечном итоге казалось, что ситуация благополучно разрешилась к концу октября, но прибытие к Ливнам русского и крымского посольств само по себе еще не означало, что посольский съезд завершится заключением предварительного русско-крымского соглашения и посольским разменом.

В условиях, когда между сторонами сохранялись большие противоречия, отягощенные для хана Гази-Гирея II династической ситуацией – проблемой отпуска «царицы» Ертуган и возвращением крымской эмиграции, что, в свою очередь, было связано с противостоянием различных крымских кланов, прежде всего, Яшлавских, Кулюковых и «Дивеевых» посольский съезд под Ливнами в октябре-ноябре 1593 г. вылился в настоящую эпопею, которая должна являться темой самостоятельного исследования¹⁸. К поздней осени 1593 года русско-крымские отношения подошли к очередному крутому повороту.

ЛИТЕРАТУРА

AGAD Archivum Koronne Warszawskie (AKW) Dz. tatsrskie.

AGAD Archiwum Skarbu koronnego (ASK).

Maria. A Krimi Kansag a tizenot éves haboruban. Budapest, 1994.

Skorupa Dariusz. Stosunki polsko-tatarskie 1595–1623. Warszawa, 2004.

Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII вв.: просопографическое исследование. Рязань, 2011.

¹⁷ Подробное изложение этих событий связано с непосредственным проведением посольского съезда выходит за рамки настоящего исследования.

¹⁸ Вопрос о ходе посольского съезда осенью 1593 г. пока только частично рассмотрен автором в контексте возвращения в Крым Ертуган и ее двора (Беляков, Виноградов, 2013, с. 49–52).

Беляков А.В., Виноградов А.В. Мурад-Гирей: служилый Чингисид в России или претендент на крымский престол? // Тюркологический сборник. 2011–2012. М., 2013. С. 11–59.

Беннигсен А. Бериндей М. Астрахань и политика в степях Северного Причерноморья (1587–1588 гг.) // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей: Сборник статей. Казань, 2009. С. 194–213.

Беннигсен А. Лемерсье-Келькеже Ш. Московия, Османская империя и кризис наследования ханской власти в Крыму в 1577–1588 г. // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей: Сборник статей. Казань, 2009. С. 220–254.

Виноградов А.В. Род Сулеша во внешней политике Крымского ханства второй половины XVI в. // Тюркологический сборник 2005. Тюркские народы России и Великой степи. М., 2006. С. 26–73.

Виноградов А.В. Русско-крымские отношения в первые годы правления хана Гази-Гирея II (1588–1591 гг.) в контексте консолидации Крымского ханства по завершении династического кризиса Гиреев // Средневековые тюрко-татарские государства: Сб. статей. Вып. 4. Казань, 2012. С. 17–46.

Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI–XVII вв. М., 1963.

Магилина И.В. Россия и проект антиосманской лиги в конце XVI – начале XVII вв. Волгоград, 2012.

Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.-Л., 1948.

Полное собрание русских летописей. Т. 14. СПб., 1910.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов. Ф. 79 (Сношения России с Польшей). Оп. 1. Ед. хр. 21.

РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). Оп. 1. Ед. хр. 3.

РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом»). Оп. 1. Ед. хр. 18, 19, 20.

РК, 1575–1605 – Разрядная книга 1475–1605. Т. III. Ч. III. М., 1989 Смирнов Н.А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. Т. 1. М. 1946.

Соловьев С.М. История Российская. Т. VII. М., 1989.

Статейный список московского посланника в Крым Семена Безобразова в 1593 году / Публ. Ф.Лашкова // Известия Таврической ученой архивной комиссии. №15. Симферополь, 1892. С. 70–94.

Трепавлов В.В. История Ногайской орды. М., 2004.

Кэролайн Финкель. История Османской империи: Видение Османа. М., 2014.

Шушарин Королевство Венгрия и Трансильвания во время войны османов с Габсбургами // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 1. М., 1998. С. 29–49.

Щербатов М.М. История российская. Т. VI. СПб., 1904.

А.В. Виноградов

1591–1593 ЕЛЛАРДА РУС-КЫРЫМ МӨНЭСЭБЭТЛЭРЕ: КОНФРОНТАЦИЯДЭН ТЫНЫЧЛЫККА ЮЛЛАР ЭЗЛЭУ

Мәкәлә кырым ханы Гази-Гәрәй гаскәрләренәң 1591 нче елда Мәскәүгә ясаган уңышсыз яуыннан соң рус-кырым мөнәсәбәтләрендәгә үзгәрешләрне анализлауга багышлана.

Ачкыч сүзләр: рус-кырым мөнәсәбәтләре, Кырым ханлыгы, илчелек приказы, Гәрәйләр.

A.V. Vinogradov

RUSSIAN-CRIMEAN RELATIONS OF 1591–1593: FROM CONFRONTATION TO SEARCHES OF PEACE DECISIONS

Article is devoted to the analysis of changes in the Russian-Crimean relations after an unsuccessful campaign to Moscow of troops of the Crimean khan Ghazi-Girei in 1591.

Keywords: Russian-Crimean relations, Crimean khanate, Ambassadorial order, Girei.

Сведения об авторе

Виноградов Александр Вадимович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории Российской Академии наук (г.Москва).

Виноградов Александр Вадим улы – тарих фәннәре кандидаты, Россия Фәннәр академиясе Россия тарихы институтының өлкән фәнни хезмәткәре (Мәскәү шәһәре).

Vinogradov Aleksandr Vadimovich – Cand. Sci. (History), the senior scientific employee of the Institute of Russian history of the Russian Academy of Sciences (Moscow).